

И(Фр)
Р67

Печатается по: Роллан Р. Собрание сочинений: В 14-ти т./Под общ. ред. И. Анисимова.— М.: Худож. лит., 1954, т. 2.— 372 с.

Переводы с французского под редакцией *Б. Песиса*

Роллан Р.
Р67 **Жизни великих людей: Жизнь Бетховена; Жизнь Микеланджело; Жизнь Толстого / [Пер. с фр. под ред. Б. Песиса].— Мн.: Выш. шк., 1985.— 335 с.— (Б-ка отеч. и заруб. классики).**

В пер.: 2 р.

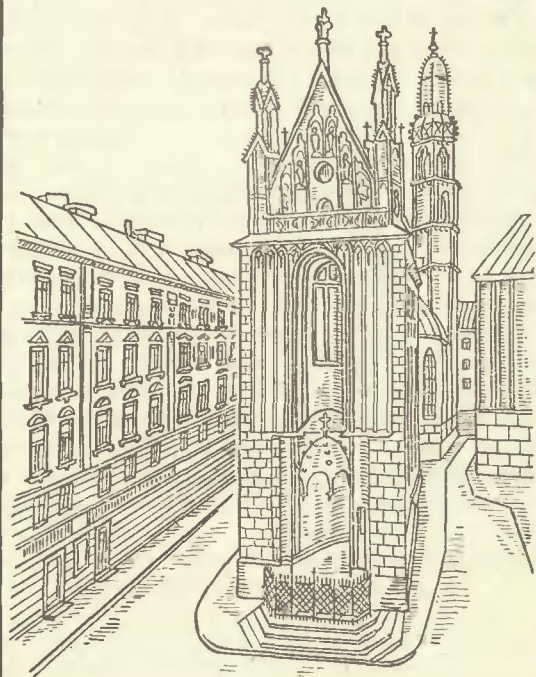
«Жизни великих людей» — произведения известного французского писателя, музыковеда, общественного деятеля Романа Роллана (1866—1944). Цикл включает художественные портреты Бетховена, Микеланджело, Л. Толстого. Роман Роллан создал многообразные и живые, исторически правдивые и жизненно цельные образы этих крупнейших художников прошлого.

Р 4703000000—167 без объявления
М 304(05)—85

84.4Фр
И(Фр)

© Издательство «Вышэйшая школа»,
оформление, 1985.

ЖИЗНЬ БЕТХОВЕНА

Перевод М. Богословской

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В то время, когда я писал мою маленькую «Жизнь Бетховена», — тому назад четверть века, — я не думал ни о каком музыковедческом исследовании. Это было в 1902 г. Я переживал бурное время, обильное и сокрушительными и животворными грозами. Я бежал из Парижа. Я хотел найти себе убежище на десять дней подле друга моего детства, который не раз уже поддерживал меня в жизненной борьбе, — Бетховена. Я приехал к нему в Бонн, и там предстала передо мною его тень; я встретил старых его друзей Вегелеров в лице их внука, которого я посетил в Кобленце. В Майнце я слушал торжественное исполнение его симфоний; оркестром дирижировал Вейнгартнер. И вот наедине с ним, исповедуясь ему на берегах Рейна, окутанных туманом, в эти серые, ненастные апрельские дни, весь пронизанный его скорбью, его мужеством, его *Leiden*¹ и его *Freude*², я упал перед ним на колени, и он поднял меня своею сильной рукой, окрестившей мое новорожденное дитя, «Жан-Кристофа», — осененный его благословением, исполненный мужества, я возвратился в Париж и, вновь примирившись с жизнью, провозгласил благодарственный гимн, с которым восставший с одра болезни обращается к провидению. Вот эти страницы и были моим благодарственным гимном. Они были напечатаны сначала в журнале «Ревю де Пари», а затем вышли в свет у Пеги. Я не думал, что они станут известны за пределами узкого круга моих друзей. Но «*habent sua fata...*»³.

¹ Страданием (нем.). — Прим. ред.

² Радостью (нем.). — Прим. ред.

³ Книги имеют свою судьбу (лат.). — Прим. ред.

Я прошу извинить меня за эти подробности. Я считаю своим долгом ответить на придирчивые нарекания тех, кто рассматривает мой гимн как ученый труд, написанный по строгим методам истории. Я и сам историк, но в других моих трудах. Я принес музыковедению добросовестную дань в нескольких книгах — в моем «Генделе», в работах по опере. Но «Бетховен» написан мной отнюдь не в научных целях. Это была песнь измученной души, души задыхающейся, которая вновь обретает способность дышать, возвращается к жизни и благодарит своего спасителя. Я хорошо знаю, что преобразил по-своему облик этого спасителя. Но ведь так оно и бывает всегда в делах веры и любви. А мой «Бетховен» — поистине плод веры и любви.

Люди ухватились за него и создали этой маленькой книжке успех, которого она вовсе не искала. В то время миллионы людей во Франции, целое поколение мечтателей, тоскующих об идеальном мире, мучительно жаждали какого-то освободительного слова. Они обрели его в музыке Бетховена и бросились к нему со своими мольбами. Кто из переживших те годы не вспоминает концерты, где исполнялись квартеты Бетховена, когда зал был подобен храму, где звучит «Agnus» и где страдальческие лица следят за совершением таинства, озаренные светом его откровения! Нынешнее поколение далеко от тех, кто жил вчера. (Но будет ли оно ближе к тем, кто придет завтра?) Из поколения, жившего в первые десятилетия нашего века, многих скосила смерть: зияющая пропасть войны поглотила отцов и лучших из их сыновей. Моя маленькая «Жизнь Бетховена» запечатлела их образ. Написанная одиноким человеком, она, сама того не ведая, напоминает о них. И они узнают себя в ней. В течение нескольких дней маленькая книжка, выпущенная скромным издательством, написанная никому не ведомым автором, разошлась полностью, ее передавали из рук в руки. И теперь она уже не принадлежит мне.

Я только что перечел эти страницы. И, несмотря на все их недостатки, решил ничего не менять⁴. Ибо они должны сохранить свой первоначальный характер и свя-

⁴ Автор предполагает посвятить изучению искусства Бетховена и его творческой личности другое произведение, где исторические и музыкально-технические моменты будут разработаны более тщательно. — Р.Р.

щенные черты великого поколения. В день столетней годовщины я приобщаю память об этом поколении к торжественному чествованию его великого друга, учителя прямодушия и искренности, — того, кто научил нас жить и умирать.

Ромен Роллан

Март 1927 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Я хочу доказать, что тот, кто поступает достойно и благородно, тем самым обретает в себе силу переносить несчастья.

Бетховен

(Венскому муниципалитету,
1 февраля 1819 г.)

Вокруг нас душный, спертый воздух. Дряхлая Европа впадает в спячку в этой гнетущей, затхлой атмосфере. Мелкий материализм, чуждый всему возвышенному, сковышает мысль; он врывается в действия государственных деятелей и отдельных людей. Мир погибает, задушенный своим трусливым и подлым эгоизмом. Мир задыхается. Распахнем же окна! Впустим вольный воздух! Пусть нас овеет дыханием героев.

Жизнь трудна. Она стала повседневной борьбой для всех тех, кто не мирится с душевной посредственностью, борьбой чаще всего безотрадной, лишенной величия и радости, которую ведут молча, в одиночестве. Задавленные нуждой, тяжкими домашними заботами, обремененные бессмысленными обязанностями, бесплодно выматывающими силы, люди, которые ведут эту борьбу, без надежды, без единого проблеска радости, в большинстве случаев ведут ее порознь и лишены утешения протянуть руку своим братьям по несчастью, ибо не знают друг друга. Им приходится рассчитывать только на самих себя, и бывают минуты, когда даже самые сильные из них изнемогают в несчастье. Они зывают о помощи, зовут друга.

И вот для того, чтобы прийти им на помощь, я хочу собрать вокруг них героических друзей, великие души, которые страдали во имя добра. Эти «Жизнеописания великих людей» зывают не к гордости честолюбцев — они посвящены несчастным. А ведь в сущности все несчастны. Протянем страждущим целительный бальзам священного страдания. Мы не одиоки в борьбе. Тьма,

простершаяся над миром, прорезается чудесными огнями. Даже сейчас рядом с нами сияют два чистых пламени — пламя Справедливости и пламя Свободы: полковник Пикар и бургундский народ. Если им и не удалось разогнать этот ступивший сумрак, они указали нам путь вспыхнувшей молнии. Пойдем же вслед за ними, вслед за всеми, что боролись, как они, в одиночку, разбросанные по всем странам, во всех веках. Уничтожим преграды времени. Воскресим племя героев.

Я называю героями не тех, кто побеждал мыслью или силой. Я называю героем лишь того, кто был велик сердцем. Как сказал один из самых великих, тот, о чьей жизни рассказывает эта книга: *«Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты»*. Если у человека нет величия души, он не может быть великим человеком, ни даже великим художником, ни великим деятелем, а лишь пустым истуканом для презренных толп; время поглотит их вместе, не оставив и следа. Что нам успех? Важно быть, а не казаться великим.

Жизнь тех, о ком мы пытаемся здесь рассказать, почти всегда была непрестанным мученичеством; оттого ли, что трагическая судьба ковала души этих людей на наковальне физических и нравственных страданий, нищеты и недуга; или жизнь их была искалечена, а сердце разрывалось при виде неслыханных страданий и позора, которым подвергались их братья, — каждый день приносил им новое испытание; и если они стали великими своей стойкостью, то ведь они были столь же велики в своих несчастьях. Так пусть же не слишком сетуют те, кому приходится тяжело: лучшие люди человечества разделяют их участь. Укрепимся их мужеством; а если у нас иссякнут силы, передохнем немного, положив голову им на колени. Они утешат нас. Из этих высоких душ струится поток спокойной силы и могучей доброты. И, даже не постигая до конца их творений, не слыша их голоса, мы прочтем в их глазах, в истории их жизни, что жизнь никогда не бывает более великой, более плодотворной — и более счастливой, — нежели в страдании.

* * *

Во главе этого героического отряда я отвожу первое место мощному и чистому душой Бетховену. Несмотря на все свои бедствия, он сам хотел, чтобы его пример мог

служить поддержкой другим страдальцам: «Пусть страдалец утешится, видя такого же страдальца, как и он сам, который, вопреки всем преградам, воздвигнутым самой природой, сделал все, что было в его силах, дабы стать человеком, достойным этого имени». После долгих лет борьбы, одержав ценой сверхчеловеческих усилий победу над своим недугом и выполнив свой долг, который, как он сам говорил, состоял в том, чтобы вдохнуть мужество в несчастное человечество, этот Прометей-победитель ответил другу, взывавшему к богу о помощи: «Человек, помогай себе сам!»

Вдохновимся же этими гордыми словами. Последуем примеру Бетховена и возродим у людей веру в жизнь и в самого человека.

Ромен Роллан

Январь 1903 г.

Благотворить, где только можешь,
Превыше всего любить свободу
И даже у монаршего престола
От истины не отрекайся.

Бетховен

(Листок из альбома, 1792)

Он был невысокий, коренастый, могучего, почти атлетического сложения. Лицо широкое, кирпично-красного оттенка, — только на склоне лет цвет кожи стал желтоватым, болезненным, особенно зимой, когда он сидел сиднем в четырех стенах, вдалеке от своих любимых полей. Лоб мощный, шишковатый. Волосы, необычайно густые и черные, казалось, не знали гребня: они торчали во все стороны — «змеи Медузы»¹. Глаза его пылали изумительной, поражающей всех силою. Однако многие заблуждались относительно цвета его глаз. Они сверкали таким неистовым блеском на его смуглом трагическом лице, что обычно казались черными, на самом же деле были не черные, а серо-голубые². Маленькие, очень глубоко посаженные, они под влиянием гнева или страсти внезапно широко раскрывались и метали во все стороны быстрые взгляды, в которых с чудесной полнотой и правдивостью отражалась мысль³. Часто они скорбно устремлялись к небу. Нос у него был короткий, обрубленный, широкий — отсюда это сходство с обликом льва. Тонко очер-

¹ Дж. Рассел (1822 г.). — Карл Черни, мальчиком, в 1801 г., увидев его однажды небритого, с обросшим щетиной лицом, всклокоченной гривой, в куртке и панталонах из козьей кожи, решил, что перед ним Робинзон Крузо. — *P.P.*

² Замечание художника Клебера, писавшего с него портрет около 1818 г. — *P.P.*

³ «Его прекрасные говорящие глаза, — пишет доктор В.К. Мюллер, — их ласковый и веселый взгляд, то блуждающий, то грозный и ужасный» (1820 г.). — *P.P.*

ченный рот, впрочем, нижняя губа немного выдавалась. Мощные челюсти, которые могли бы дробить грецкие орехи. На подбородке справа глубокая ямка, что делало его лицо странно асимметричным. «У него была добрая улыбка, — вспоминает Мошелес, — и когда он разговаривал с кем-нибудь, на лице его появлялось приветливое, располагающее выражение. Смех, наоборот, был у него неприятный, резкий, вымученный и притом отрывистый» — смех человека, не привыкшего радоваться. Обычное выражение его лица печальное — «неизлечимая скорбь». Рельштаб в 1825 г. признавался, что он с огромным трудом удерживал слезы, видя «его кроткие глаза, затаившие невыносимую муку». Годом позже Браун фон Браунталь встречает его в трактире: он сидит один, в углу, в зубах дымится длинная трубка, глаза закрыты — привычка, которую за ним замечали все чаще к концу жизни. Кто-то из друзей обращается к нему. Он грустно улыбается, достает из кармана маленькую записную книжечку — «разговорную» — и пронзительным голосом, каким часто говорят глухие, просит написать то, о чем его спрашивают. В минуты вдохновения, которое осеняло его поистине неожиданно, иной раз даже на улице, лицо его преобразалось, вызывая изумление прохожих. Так бывало иной раз, когда он сидел один за фортепиано. «Мышцы лица напрягались, вены вздувались, неистовый взор становился подлинно грозным, губы дрожали, он был похож на мага, которого побороли демоны, им самим вызванные». Персонаж из Шекспира⁴, «король Лир», — говорил Юлиус Бенедикт.

* * *

Людвиг ван Бетховен родился 16 декабря 1770 г. в Бонне, близ Кельна, в нищенской комнатухе на антресолях убогого домика. Предки его — фламандцы⁵. Отец,

⁴ Клебер говорит: «Из Оссина». Все эти подробности почерпнуты из записей друзей Бетховена или из заметок путешественников, встречавшихся с ним, как, например, Черни, Мошелеса, Клебера, Даниеля Амадеуса Атербома, В. К. Мюллера, Дж. Рассела, Юлиуса Бенедикта, Рохлица и др. — *P.P.*

⁵ Дед его Людвиг, человек наиболее примечательный в роде Бетховенов, на которого больше всего походил композитор, родился в Антверпене и только в двадцатилетнем возрасте переселился в Бонн, где получил должность капельмейстера в дворцовой капелле. Об этом не следует забывать, если мы хотим постичь яростную непокорность натуры Бетховена и многие другие черты его характера, которые нельзя считать чисто немецкими. — *P.P.*

певец, был человек недалекий и пьяница. Мать — служанка, дочь повара, вышла первым браком за лакея, но вскоре овдовела.

Суровое детство, лишённое семейного тепла, в котором рос более счастливый Моцарт. С самого начала жизнь стала для Бетховена жестокой и мрачной борьбой. Отец решил извлечь выгоду из музыкальных способностей сына и показывал публике это маленькое чудо. С четырехлетнего возраста он часами держал мальчика за клавишном или запирали со скрипкой, заставляя играть до изнеможения. Удивительно еще, как он не отвратил сына навсегда от искусства. Дошло до того, что Бетховена приходилось чуть ли не силой заставлять учиться музыке. Отрочество его было омрачено заботами о хлебе, необходимостью зарабатывать на пропитание, слишком многими и рано взятыми на себя обязанностями. Одиннадцати лет он уже играл в театральном оркестре, тринадцати стал органистом. В 1787 г. умирает мать, которую он обожал. «Она была так добра ко мне, так достойна любви, была лучшим моим другом! Я чувствовал себя счастливее всех на свете, когда я мог произнести это сладостное слово — «мать» и когда она слышала его»⁶.

Она умерла от чахотки, и Бетховен, уже и тогда постоянно недомогавший, считал, что его подтачивает та же болезнь, к которой примешивалась еще и меланхолия, более жестокая, чем все его недуги⁷. Семнадцати лет он уже стал главой семьи, на него легла забота о воспитании двух братьев; ему пришлось взять на себя унижительные хлопоты о назначении пенсии отцу — пьянице, не способному содержать семью; пенсию выдавали на руки сыну, иначе отец пропил бы все. Эти горести оставили в душе юноши глубокий след. Но он нашел дружескую поддержку в одном боннском семействе, которое навсегда осталось ему близким, — это была семья Брёнинггов. Милая «Лорхен», Элеонора Брёнинг, была на два года моложе его. Он ее учил музыке, а она приобщила его к поэзии. Она была спутницей его детства, а возможно, они питали друг к другу и более нежные чувства. Впоследствии Элеонора вышла замуж за доктора Вегелера, который

⁶ Письмо к доктору Шаде в Аугсбург, 15 сентября 1787 г. (Ноль, «Письма Бетховена», II). — *P.P.*

⁷ Он говорил позднее (в 1816 г.): «Жалок тот, кто не умеет умирать. Пятнадцатилетним мальчиком я уже знал это». — *P.P.*

стал одним из лучших друзей Бетховена. До самых последних дней их связывала ничем не омрачаемая дружба, о которой свидетельствуют благородные, нежные письма Вегелера и Элеоноры и письма старого верного друга (alter treuer Freund) дорогому доброму Вегелеру (guter lieber Wegeler). Тем более трогательной стала эта взаимная привязанность, когда все трое состарились — составились телом, но не сердцем⁸.

Как ни печально было детство Бетховена, он навек сохранил о нем и о родных местах, где оно протекало, нежное и грустное воспоминание. Он был вынужден покинуть Бонн и почти всю жизнь прожил в Вене, в унылых предместьях этого большого легкомысленного города, но никогда не забывал он долину Рейна и величественную реку, мощную, отечески родную (unser Vater Rhein), «наш отец Рейн», как он называл ее, — почти человечески живую, подобную некой гигантской душе, где сменяют друг друга столько мыслей, столько могучих порывов; и, пожалуй, особенно прекрасен, могуч и спокоен Рейн там, где он с ласковой мощью омывает тенистые и цветущие берега прелестного Бонна. Там прожил Бетховен первые двадцать лет своей жизни, там родились первые мечты юного сердца, среди этих лужаек, которые лениво плывут куда-то вместе с водой, и прибрежных тополей, среди окутанных туманом верб и низкорослого ивняка и яблонь, что купают свои корни в бесшумном и быстром потоке, над которым в сонном удивлении, сгрудившись по берегам, застыли деревушки, церкви и кладбища; а вдаль, на горизонте, выступают голубоватые очертания Семи Гор — жилища бурь, — увенчанных хрупкими, причудливыми силуэтами полуразрушенных замков. Сердце его навеки осталось верным этому краю; до последней минуты жизни он мечтал увидеть его вновь, но мечте этой так и не дано было осуществиться. «Родина моя, чудесный край, где я увидел свет, она все так же прекрасна для меня и все так же явственно стоит перед моими очами, как в тот день, когда я покинул ее»⁹.

⁸ Бетховен нашел также друга и наставника в лице почтенного Христиана Готлиба Нефе. Нефе, учитель Бетховена, влиял на своего ученика не только умением глубоко проникать в искусство, но и своим душевным благородством. — *P.P.*

⁹ Вегелеру, 29 июня 1801 г. (Н о л ь, XIV). — *P.P.*

* * *

Разразилась революция; она начала стремительно распространяться по всей Европе, она овладела и сердцем Бетховена. Боннский университет был рассадником новых идей. Бетховен зачислен в списки студентов 14 мая 1789 г., он слушает лекции по немецкой литературе знаменитого Евлогия Шпейдера, будущего прокурора департамента Нижнего Рейна. Когда в Бонне узнали о взятии Бастилии, Шпейдер прочел с кафедры пламенные стихи, вызвавшие бурный энтузиазм слушателей¹⁰. В следующем году он выпустил сборник революционных стихов¹¹. В числе подписчиков значатся: «Бетховен, придворный музыкант» и «семейство Брёнинг»¹².

В ноябре 1792 г. Бетховен уехал из Бонна в тот самый момент, когда война уже вступала в город. Он намеревался устроиться в Вене — музыкальной столице Германии¹³. По дороге в Вену ему пришлось пробираться сквозь расположение гессенских войск, посланных против Франции. Понятно, что его охватили патриотические чувства. В 1796 и 1797 гг. он положил на музыку воинственные стихи Фридберга «Песнь расставанья» и патриотическую хоровую «Мы — великий немецкий народ» («Ein grosses deutsches Volk sind wir»). Но тщетно пытается он воспевать врагов революции. Революция захватывает всех, захватывает она и Бетховена. С 1798 г., невзирая на обострившиеся отношения между Францией и Австрией, у Бетховена завязываются дружеские связи с французами, кое с кем из посольства и генералом Бернадоттом, который

¹⁰ Они начинались так: «Разбиты деспотизма цепи... Народ — счастливый... Француз — свободный человек». — *P.P.*

¹¹ Вот одно из них: «Презирать фанатизм, сокрушать глупость на троне, сражаться за права человечества... о, на это не способен ни один из лакеев монархии.

Это под силу только свободным душам, которые предпочитают смерть — лести, нищете — рабству. Знай, среди таких душ моя будет не последней». — *P.P.*

¹² См. Карл Нефе, «Отношение Бетховена к политике» (Beethoven's Beziehungen zur Politik), журн. «Зонтагсблат дер Баслер Нахрихтен», № 26, 27, 28 от 1, 8 и 15 июля 1923 г. — *P.P.*

¹³ Он уже ездил туда ненадолго весной 1787 г. Там он встретился с Моцартом, который, по-видимому, не обратил на него особого внимания.

Гайди, с которым он познакомился еще в Бонне в декабре 1790 г., дал ему несколько уроков. Бетховен занимался также у Альбрехтсбергера и Сальери. Первый преподавал ему контрапункт и фугу, а второй научил его писать для голоса. — *P.P.*

тогда приехал в Вену¹⁴. Во время встреч и бесед этих лет в Бетховене укрепляются республиканские чувства, мощное развитие коих можно наблюдать далее на протяжении всей его жизни.

Портрет, сделанный с него Штейнгаузером, дает довольно верный образ Бетховена того времени. По отношению к позднейшим изображениям Бетховена этот портрет — то же, что Бонапарт работы Герена: жесткое лицо, спедаемое лихорадкой честолюбия — в сопоставлении с другими канонизированными изображениями Наполеона. Бетховен кажется там моложе своих лет; он худ, держится очень прямо, тугий и высокий галстук подпирает подбородок, взгляд недоверчивый и настороженный. Он знает себе цену, он верит в свои силы. В 1796 г. он записывает у себя в книжечке: «Смелее! Невзирая на все слабости телесные, мой гений восторжествует... Двадцать пять лет! Вот они и пришли! Мне двадцать пять лет... В этот самый год мне как человеку должно подняться во весь рост»¹⁵. Г-жа фон Бернгард и Гелинк свидетельствуют, что он крайне горд, резок в обращении и угрюм, говорит с ярко выраженным провинциальным акцентом. Но близкие его друзья знают, сколько чудесной доброты прячется под этой заносчиво-неуклюжей манерой. Когда он пишет Вегелеру о своих успехах, вот какая мысль первой приходит ему в голову: «Представь, один из моих друзей находится в нужде; если кошелек мой пуст и я не в силах помочь тотчас же, ну что ж, мне стоит только сесть за стол и взяться за работу, и довольно скоро я помогу ему выбраться из беды... Понимаешь, до чего это замечательно»¹⁶. И немного далее он пишет: «Пусть мое искусство служит ко благу бедняков» («Dann soll meine Kunst sich nur zum Besten der Armen zeigen»).

Но беда уже постучалась у его дверей, поселилась у него и больше его не покидала. Между 1796 и 1800 гг. глухота начала свою страшную, разрушительную рабо-

¹⁴ В свите Бернадотта был скрипач Рудольф Крейцер, которому Бетховен посвятил впоследствии свою знаменитую сонату.— P.P.

¹⁵ Он тогда только еще начинал выступать. Первый его концерт в Вене как пианиста состоялся 30 марта 1795 г.— P.P.

¹⁶ Вегелеру, 29 июня 1801 г. (Ноль, XIV).

«Ни один из друзей моих не должен нуждаться, пока у меня есть на кусок хлеба»,— пишет он Рису около 1801 г. (Ноль, XXIV).— P.P.

ту¹⁷. Даже ночью в ушах у него стоял непрерывный шум; его мучили острые боли в желудке. Слух постепенно ослабевал. В течение нескольких лет он никому в этом не признавался, даже самым близким друзьям; он избегал появляться на людях, чтобы как-нибудь не обнаружил его недостаток; он хранил про себя эту ужасную тайну. Но в 1801 г. он уже не в силах молчать и в отчаянии рассказывает обо всем друзьям — доктору Вегелеру и пастору Аменда:

«Мой дорогой, добрый, мой сердечный друг Аменда!.. Как часто я жаждал видеть тебя здесь, около себя! Бетховен твой глубоко несчастен. Узнай, что благороднейшая часть меня, мой слух, очень ослаб. Еще в то время, когда мы с тобой были вместе, я чувствовал симптомы болезни, и я скрывал их, но с тех пор мне становилось все хуже и хуже. Выздоровею ли я? Конечно, я надеюсь, но надежда слабая: такие заболевания редко поддаются излечению. Какая грустная у меня жизнь — избегать всего, что любишь, что тебе дорого, особенно здесь, в этой мелочной, себялюбивой среде. Жалкая участь — сносить покорно свои несчастья и в этом видеть единственное прибежище. Конечно, я твердо решил быть сильнее своих страданий, но удастся ли мне это?»¹⁸.

И Вегелеру: «Я влachu печальное существование. Вот уже два года, как я тщательно избегаю всякого общества, потому что не могу же я сказать людям: «Я глухой!» Это было бы еще возможно, будь у меня какая-нибудь другая профессия, но при моем ремесле ничто не может быть

¹⁷ В завещании 1802 г. Бетховен говорит, что он уже шесть лет болен — иными словами, с 1796 г. Отметим, кстати, что в каталоге его произведений только одно сочинение оп. 1 (три трио) появилось ранее 1796 г. Оп. 2, три первые сонаты для фортепиано, вышел в свет в марте 1796 г. Можно, таким образом, сказать, что все, созданное Бетховеном, создано глухим Бетховеном.

Глухота усиливалась, однако никогда не была полной. Бетховен различал низкие тона гораздо лучше, чем высокие. Говорят, что в последние годы жизни он пользовался деревянной палочкой, один конец которой он клал в корпус фортепиано, а другой держал в зубах. Он прибегал к этому приспособлению, чтобы лучше слышать, когда сочинял. В Бетховенском музее в Бонне хранятся акустические аппараты, сделанные для Бетховена около 1814 г. механиком Мельцелем.

Пасчет глухоты Бетховена см. статью К. Г. Куна в «Винер медицинше вхенсприфт» за февраль — март 1892 г.; статью Виллибальда Пагеля в «Музик» за март 1902 г.; статью д-ра Клоц-Форэ в «Кроник медикаль» от 15 мая 1905 г.— P.P.

¹⁸ Ноль, «Письма Бетховена», XIII.— P.P.

ужаснее. Как обрадовались бы мои враги! А ведь их у меня немало!.. В театре я вынужден садиться у самого оркестра, чтобы разбирать слова актеров. А как только сяду подальше, уже не улавливаю высокие тона инструментов и голосов... Когда говорят тихо, я еле слышу... но когда кричат — это для меня совершенно невыносимо... не раз я проклинал свое существование... Плутарх научил меня покоряться судьбе. Но я не желаю сдаваться и не сдамся, если это только возможно, хотя бывают минуты, когда я чувствую себя самым несчастным из творений божьих... Покорность судьбе! Какое жалкое прибежище! Но только это одно мне и остается!»¹⁹.

Эта трагическая скорбь отразилась в некоторых произведениях того времени — в «Патетической сонате» (ор. 13, 1799 г.) и еще более в *ларго* Третьей сонаты для фортепиано (ор. 10, 1798 г.). Удивительно, что печаль эта не коснулась столько других произведений того времени, — сияющий радостью септет (1800 г.), прозрачная Первая симфония (до-мажор, 1800 г.) выражают юношескую беспечность. Значит, душа не сразу привыкает к страданию. Ей так нужна радость, что, лишенная радости, она не может не создавать ее. И если настоящее слишком уж невыносимо, она живет в прошедшем. Счастливые дни прошлого не исчезают из памяти в один миг; долго еще сияние их не тускнеет, хотя сами они уже кажутся в вечность. Бетховен в Вене, несчастный и одинокий, уходит в воспоминания о родной стране, и его творческая мысль в то время пронизана ими. Тема *анданте с вариациями* в септете — это одна из рейнских «Песенок» («Lied»); симфония до-мажор — это тоже творение Рейна, поэма молодости, улыбающейся своим грезам. Веселая, томная поэма: в ней слышится желание завоевать сердце любимой и надежда, что это сбудется. Но в некоторых местах симфонии, в вступлении, в светотени сумрачно звучащих басов, в причудливом *скерцо*, вы замечаете, замечаете с волнением, как сквозь юный облик вдруг проглянет на вас будущий гений. Это глаза бамбино из «Святого семейства» Боттичелли, очи младенца, в которых словно уже читаешь всю будущую трагедию.

К физическим страданиям присоединились огорчения совсем иного порядка. Вегелер рассказывает, что он не помнит Бетховена иначе, как в состоянии страстной влюб-

ленности. Его увлечения, по-видимому, всегда отличались поразительной чистотой. Между страстью и наслаждением нет ничего общего. И если в наши дни все-таки умудряются путать одно с другим, то только потому, что большинство людей пребывает на сей счет в неведении и истинная страсть стала величайшей редкостью. В натуре Бетховена было нечто пуританское; вольные разговоры и мысли внушали ему ужас, любовь была для него святыней, и тут он оставался непримирим. Говорят, он не мог простить Моцарту того, что тот унижил свой гений, написав «Дон Жуана». Шиндлер, близкий друг Бетховена, уверяет, что «он прожил жизнь свою в девственной чистоте и ему никогда не приходилось упрекать себя в минутной слабости». Такие люди словно созданы для того, чтобы стать жертвой обманщицы-любви. И это оправдалось на Бетховене. Он без конца влюблялся до безумия, без конца предавался мечтам о счастье, затем очень скоро наступало разочарование, он переживал горькие муки.

И вот в этих-то чередованиях — любви, гордости, возмущения — надо искать наиболее плодотворные источники бетховенских вдохновений вплоть до того времени, когда природная буря его чувств затихает в грустной покорности судьбе.

В 1801 г. предметом его страсти была, видимо, Джульетта Гвиччарди, которую он обессмертил, посвятив ей свою знаменитую сонату, известную под названием «Лунной», ор. 27 (1802 г.). «Мне стало отраднее жить, — пишет он Вегелеру, — я чаще встречаюсь с людьми... Эта перемена... ее произвело очарование одной милой девушки; она любит меня, и я люблю ее. Первые счастливые минуты в моей жизни за последние два года»²⁰. Он дорого заплатил за них. Прежде всего эта любовь заставила Бетховена еще большее почувствовать, какое несчастье его глухота и как непрочно его положение, раз он не имеет возможности жениться на любимой девушке. Кроме того, Джульетта была кокетка, ребячливая, себялюбивая; она причиняла Бетховену тяжкие страдания, а в ноябре 1803 г. вышла замуж за графа Галленберга²¹. Такие

²⁰ Вегелеру, от 16 ноября 1801 г. (Ноль, XVIII). — P.P.

²¹ Впоследствии она не постеснялась воспользоваться былой любовью Бетховена к выгоде своего супруга. Бетховен помогал Галленбергу. «Он был врагом моим, и именно в силу этого я и сделал для него все, что только было возможно», — записывал он для Шиндлера в одной из своих «Разговорных тетрадей» за 1821 г. Но от этого

страсти опустошают душу; а когда душа уже ослаблена недугом, как это было с Бетховеном, они могут сокрушить ее вконец. Это единственный период жизни Бетховена, когда он был чуть ли не на краю гибели. Он пережил минуты страшного отчаяния, о чем свидетельствует одно его письмо. Это его «Гейлигенштадское завещание» братьям Карлу и Иоганну со следующей надписью: «Прочтите и приведите в исполнение после моей смерти»²². Духераздирающий вопль возмущения и невыносимой муки! Нельзя читать его без глубокой жалости. Бетховен в эту минуту готов был наложить на себя руки, и только несокрушимая стойкость духа спасла его²³. Последние его надежды на выздоровление рухнули. «Даже то высокое мужество, что поддерживало меня, иссякло. О провидение, дай мне увидеть хотя бы единый раз, на один день, один-единственный день, истинную радость! Мне уже так давно неведомы глубокие звуки истинной радости. Когда же, о господи, когда будет мне дано обрести ее вновь... Неужели никогда? Нет, это было бы слишком жестоко!»

Это похоже на предсмертное стенание — и тем не менее Бетховен проживет еще двадцать пять лет. Слишком могучая это была натура, чтобы сдаться и пасть под бременем испытаний. «Мои физические силы растут и прибывают больше чем когда-либо вместе с силой духовной... Да, юность моя только еще начинается, я чувствую это. Каждый день приближает меня к цели, я вижу ее, хотя я и не могу определить... О! если бы я освободился от моего недуга, я бы обнял весь мир!.. Не надо мне отдыха! И я не знаю иного отдыха, кроме сна; как печально, что я вынужден отдавать ему больше времени, чем прежде. Если бы мне хоть наполовину избавиться от моего недуга, тогда... Нет, я бы не перенес этого. Судьбу должно

он еще больше презирал ее. «Она присхала в Вену, — пишет он по-французски, — и со слезами добивалась встречи со мной, но я ее презрел». — P.P.

²² 6 октября 1802 г. (Ноль, XXVI). См. Приложения. — P.P.

²³ «Растите детей ваших в добродетели: только она одна и может дать счастье, а совсем не деньги. Говорю это по личному опыту. Она одна поддерживала меня в несчастье, только ей да искусству моему я обязан тем, что не кончил жизнь самоубийством». В другом письме, от 2 мая 1810 г., он пишет Вегелеру: «Если бы мне не довелось прочесть, что человек не вправе добровольно расставаться с жизнью до тех пор, пока у него есть надежда сделать добро, меня уже давным-давно не было бы на свете, и, разумеется, это было бы делом моих собственных рук». — P.P.

хватать за горло. Ей не удастся согнуть меня. О! как было бы прекрасно прожить тысячу жизней!»²⁴.

Эту любовь, страданье, упорство воли, эти чередования уныния и гордости, внутренние драмы — все это мы находим в великих творениях Бетховена, написанных в 1802 г.: в сонате с похоронным маршем, op. 26, в сонате «Quasi una fantasia», так называемой «Лунной», op. 27, во Второй сонате, op. 31, с ее драматическими речитативами, напоминающими величественный, скорбный монолог; и в скрипичной сонате до-минор, посвященной императору Александру, и в «Крейцеровой сонате», op. 47; в шести героических и трогательных религиозных песнях на слова Геллера, op. 48. Вторая симфония, создание которой относится к 1803 г., отражает преимущественно его юношескую любовь; в ней чувствуется, что воля решительно берет в нем верх. Необоримая сила отбрасывает прочь все грустные мысли. Сила жизни бьет ключом в финале. Бетховен во что бы то ни стало хочет быть счастливым, он не соглашается признать, что несчастье его непоправимо: он жаждет исцеления, жаждет любви, он полон самых светлых надежд²⁵.

* * *

В некоторых из этих произведений с поразительной энергией и настойчивостью возвращаются ритмы марша и сражений. Особенно это чувствуется в *аллегро* и в финале Второй симфонии, а еще более того в первой — торжественно-героической части сонаты, посвященной императору Александру. Воинственный характер этой музыки напоминает об эпохе, когда она родилась. Революция пришла в Вену, и Бетховен был совершенно захвачен ею. «Он охотно высказывался в тесном кругу друзей, — вспоминает кавалер фон Зейфрид, — о политических событиях и судил о них с редкой пронизательностью, ясно и верно». Все симпатии Бетховена влекли его к революционным идеям. «Ему были дороги республиканские принципы, — говорит друг Бетховена Шиндлер, знавший композитора в последний период жизни лучше, чем кто-либо другой. —

²⁴ Вегелеру (Ноль, XVIII). — P.P.

²⁵ Миниатюра Хорнемана, относящаяся к 1802 г., показывает нам Бетховена одетым по всем требованиям моды того времени, с бачками, с прической, которая называлась «а ля Титюс», с роковым взором байроновского героя, но и с той наполеоновской энергией человека, который никогда не сдастся. — P.P.

Он был сторонником неограниченной свободы и национальной независимости... Он хотел, чтобы все принимали участие в управлении государством... Хотел для Франции всеобщего голосования и надеялся, что Бонапарт введет его и тем самым заложит основы для счастья всего человечества. Мятельный римлянин, вскормленный Плутархом, он мечтает о героической Республике, чьим основателем стал бы бог Победы, иными словами — первый консул. И вот следуют одна за другой «Героическая симфония — Бонапарт» (1804 г.)²⁶, эта Илиада империи, и финал симфонии до-минор (1805—1808 гг.), эпопея Славы. Это первые произведения истинно революционной музыки, дух времени живет в них с той силой и чистотой, какими наделяет великие события великая и одинокая душа, воспринимающая впечатления бытия в их подлинном масштабе, не искаженном мелочами повседневной жизни. Облик Бетховена выступает в них озаренный отблесками этих легендарных походов. Бетховен отражает их, быть может даже помимо воли, во всех своих произведениях того времени: в увертюре «Кориолан» (1807 г.), где бушуют бури; в Четвертом квартете, ор. 18, первая часть которого столь родственна увертюре; в «Аппассионате», ор. 57 (1804 г.), о которой Бисмарк говорил: «Если бы я почаще ее слушал, я был бы храбрецом из

²⁶ Известно, что «Героическая симфония» была написана для Бонапарта и о нем. И первоначально рукопись имела заглавие «Бонапарт». Тем временем Бетховен узнает о короновании Наполеона. Он приходит в бешенство. «Так, значит, он просто заурядный человек!» — воскликнул Бетховен, в гневе разорвал посвящение и тут же начертил нижеследующее заглавие, разом мстительное и трогательное: «Героическая симфония... в знак воспоминания об одном великом человеке» («*Sinfonia eroica... composta per festeggiare il sovvenire di un grand Uomo*»). Шиндлер рассказывает, что с течением времени презрение Бетховена к Наполеону несколько ослабло; он видел в нем некоего заслуживающего сострадания Икара, низвергнутого с небес. Когда Бетховен узнал о его смерти на острове св. Елены в 1821 г., он промолвил: «Еще семнадцать лет назад я написал музыку, которая подходит к этому печальному событию». Ему нравилось думать, что похоронный марш его симфонии есть как бы предчувствие трагического конца завоевателя. Весьма возможно, что «Героическая симфония», особенно первый ее отрывок, была задумана Бетховеном как своего рода портрет Наполеона, разумеется совсем не похожего на оригинал, но такого, каким его рисовало воображение и каким он хотел бы видеть Наполеона в действительности, то есть как гения революции. Однако в финале «Героической симфонии» Бетховен снова возвращается к одной существенно важной фразе из партитуры, уже написанной им в прославленно величайшего революционного героя — бога свободы Прометея (1801 г.) — *P.P.*

храбрецов»²⁷, в партитуре «Эгмонта» и даже в фортепианных концертах, в концерте ми-бемоль, ор. 73 (1809 г.), где сама виртуозность становится героической, где слышится мерная поступь войск. И в этом нет ничего удивительного. В ту пору, когда Бетховен писал свой «Похоронный марш на смерть героя» (в сонате, ор. 26), он, конечно, не знал, что наиболее достойный его гимнов герой, больше, чем Бонапарт, приближающийся к идеальному образу «Героической симфонии», а именно Гош, только что погиб на берегу Рейна, где и по сию пору на вершине небольшого холма меж Кобленцем и Бонпом возвышается надгробный памятник ему; как бы то ни было, в самой Вене Бетховену дважды довелось увидеть победопосную Революцию. На первом представлении «Фиделио», в ноябре 1805 г., присутствуют французские офицеры. И не кто иной, как генерал Гюлен, тот, что брал Бастилию, живет у Лобковица, друга и покровителя Бетховена, которому посвящены и «Героическая симфония» и симфония до-минор. А 10 мая 1809 г. Наполеон располагается на ночь в Шёнбрунне²⁸. И вскоре Бетховен начинает ненавидеть французских завоевателей. Но это не помешало ему остро ощутить лихорадочную атмосферу наполеоновской эпопеи, и только вникнув в чувства Бетховена, можно по-настоящему понять его музыку, созданную в годы походов и побед императорских армий.

²⁷ Роберт фон Кейдель (бывший германский посол в Риме), «Бисмарк и его семья», 1901.

Роберт фон Кейдель сыграл эту сонату Бисмарку на скверном фортепиано 30 октября 1870 г. в Версале. О последней фразе этого произведения Бисмарк заметил: «Это борьба и рыдания целой жизни». Он предпочитал Бетховена всем другим музыкантам и не раз говорил: «Бетховен больше всего подходит моим нервам». — *P.P.*

²⁸ Домик Бетховена стоял близ укреплений, которые Наполеон приказал взорвать после взятия города. «Что за дикое существование, одни развалины вокруг меня! — писал Бетховен издателям Брейткопфу и Гертелю 26 июня 1809 г. — Только и слышишь, что барабаны да рожки, и всюду горе».

Портрет Бетховена того времени дошел до нас в описании одного француза, барона де Тремона, аудитора Государственного совета, посетившего Вену в 1809 г. Тремон очень живописно рисует необыкновенный беспорядок, царивший в квартире Бетховена. Они беседовали о философии, о религии, о политике, «а главным образом о Шекспире, который был его кумиром». Бетховен всерьез подумывал отправиться с Тремоном в Париж, где, как ему было известно, в консерватории уже исполнялись его симфонии и где у него имелись восторженные поклонники. [См. во французском журнале «Меркюр мюзикаль» от 1 мая 1906 г. статью барона де Тремона «Визит к Бетховену», опубликованную Ж. Шантаваном.] — *P.P.*

Бетховен внезапно бросил свою симфонию до-минор и единым духом, без обычных предварительных набросков, написал Четвертую симфонию. Счастье посетило его. В мае 1806 г. он обручился с Терезой фон Брунsvик²⁹. Она уже давно любила Бетховена, еще с тех пор, когда маленькой девочкой брала у него уроки игры на фортепиано, в первую пору его пребывания в Вене. Бетховен был дружен с ее братом, графом Францем. В 1806 г. он гостил у них в Мартовашаре, в Венгрии, и там-то они и полюбили друг друга. Воспоминания об этих счастливых временах нам сохранила сама Тереза Брунsvик³⁰. «Как-то раз вечером, в воскресенье после ужина,— рассказывает она,— Бетховен при лунном свете сел за рояль. Сперва он провел плашмя рукой по клавишам. Мы с Францем знали эту его привычку. Он всегда начинал так. Затем он взял несколько аккордов в басах и медленно, с какой-то таинственной торжественностью, стал играть «Арию» Себастьяна Баха:»³¹ «Если хочешь сердце мне свое отдать, пусть меж нами это будет тайной, чтобы мысли наши ни одна душа не могла узнать, ни разгадать...» Мать моя и наш духовник задремали, брат о чем-то задумался и, казалось, не замечал меня, а я, замороженная звуками музыки и взглядами музыканта, почувствовала жизнь во всей ее полноте. Утром следующего дня мы встретились в парке. Он сказал мне: «Я сейчас пишу оперу. Главное действующее лицо — оно во мне, передо мной, всюду, куда бы я ни шел, везде, где бы я ни был.

²⁹ Бетховен познакомился с Брунsvиками в Вене между 1796—1799 гг. Джульетта Гвиччарди была двоюродной сестрой Терезы. Бетховен был увлечен некоторое время Жозефиной, родной сестрой Терезы, которая вышла замуж за графа Дейма, а вторым браком за барона Штакельберга. Подробности о близости Бетховена с Брунsvиками можно найти в моей новой книге «Великие творческие эпохи», т. 1, 1928. В главе «Семья Брунsvиков и их кухня из «Лунной сонаты» я попытался дать живой облик этой семьи и, в частности, воссоздать благородную личность Терезы по ее мемуарам и неизданному интимному дневнику. Подруга Бетховена была достойна его. Ее долгая жизнь (она умерла в 1861 г.) полна испытаний и благородных дел.— *P. P.*

³⁰ Мариям Тенгер, «Бессмертная возлюбленная Бетховена» («Beethoven's unsterbliche Geliebte»), Бонн, 1890.— *P. P.*

³¹ Это изумительная ария, которая имеется в альбоме жены И. С. Баха, Линны-Магдалены (1725 г.) под заглавием «Ария Джованнини» («Aria di Giovanni»). Принадлежность ее И. С. Баху оспаривалась.— *P. P.*

Впервые я поднимаюсь на такие вершины. Всюду свет, чистота, ясность. До сих пор я был словно ребенок из волшебной сказки, который собирает камушки на дороге и не видит великолепного цветка, что расцвел рядом...» В мае 1806 г. я стала невестой Бетховена, имея согласие лишь моего горячо любимого брата Франца».

Четвертая симфония, написанная в том же году,— чистый цветок, хранящий благоухание этих дней, самых ясных дней его жизни. В ней справедливо усматривали «старания Бетховена примирить сколь возможно свой гений с музыкой прошлого в тех ее формах, в каких она была приятна и любима его современниками»³². Тот же дух примирения, обретенный в любви, благотворно сказался и в его манере держать себя и в самом образе жизни. Игнац фон Зейфрид и поэт Грильпарцер вспоминают его полным огня, оживленным, веселым, остроумным; он очень любезен в обществе, терпелив с назойливыми людьми, одет весьма изысканно; люди не замечают его глухоты и даже утверждают, что он вполне здоров, если не считать несколько слабого зрения³³. Таким же предстает он и на романтически изыщном и несколько манерном портрете той поры кисти Мелера. Бетховен хочет нравиться и знает, что он нравится. Влюбленный лев прячет когти. Но за всеми этими забавами, фантазиями и даже самой нежностью симфонии си-бемоль чувствуется грозная сила, изменчивый нрав, гневные вспышки.

Этот глубокий мир не мог быть прочным, но благотворное воздействие любви длилось вплоть до 1810 г. Именно ему и обязан Бетховен той властью над собой, которая позволила тогда его гению дать свои наиболее совершенные создания: классическую трагедию, какую является симфония до-минор, и божественный сон летнего дня, именуемый «Пасторальной симфонией» (1808 г.)³⁴. «Аппассионата», навеянная шекспировской

³² Ноль, «Жизнь Бетховена». — *P. P.*

³³ Бетховен действительно был близорук. Игнац фон Зейфрид говорит, что слабость его зрения была следствием оспы и что он вынужден был с юных лет носить очки. Его блуждающий взгляд, вероятно, был также до некоторой степени следствием близорукости. В письмах за период 1823—1824 гг. он часто жалуется на больные глаза. См. статьи Христиана Калишера: «Зрение Бетховена и глазные болезни» («Beethoven's Augen und Augenleiden») в журнале «Музик» от 15 марта — 1 апреля 1902 г. — *P. P.*

³⁴ Сценическую музыку к «Эгмонту» Гёте Бетховен начал писать в 1809 г. Он собирался еще написать музыку к «Вильгельму Теллю», но ему предпочли Гировеца.— *P. P.*

«Бурей»³⁵, которую сам Бетховен считал наиболее мощной из своих сонат, появилась в 1804 г. и была посвящена брату Терезы. А Терезе он посвящает мечтательную, причудливую сонату, ор. 78 (1809 г.). Письмо без даты³⁶ «К бессмертной возлюбленной» не менее самой «Аппассионаты» выражает силу его любви:

«Ангел мой, все мое существо, весь я, сердце мое так переполнено, что я должен тебе сказать... Ах! где бы я ни был, ты тоже со мной... Я плачу, когда подумаю, что до воскресенья ты не получишь от меня весточки. Я люблю тебя так, как ты меня любишь, только гораздо сильнее. Так близко и так далеко... Все мысли мои стремятся к тебе, моя бессмертная возлюбленная (meine unsterbliche Geliebte); то радостные, а потом вдруг грустные, они зывают к судьбе, услышит ли она моления наши. Ах! боже мой! Как же мне жить? Без тебя! Я могу жить только близ тебя — или я вовсе не живу... Никогда другая не будет владеть моим сердцем. Никогда! Никогда! О боже, почему приходится расставаться, когда любишь друг друга? И к тому же жизнь моя ныне полна огорчений. Любовь твоя сделала меня сразу и счастливейшим и несчастнейшим из людей... Не тревожься... не тревожься — люби меня! Сегодня — вчера — какое пламенное стремление к тебе, какие слезы! Тебе... тебе... тебе... жизнь моя, все мое! Прощай! О, не переставай любить меня, не отрекайся никогда от сердца твоего возлюбленного. Навеки твой, навеки ты моя, навеки мы принадлежим друг другу»³⁷.

Какая загадочная причина помешала счастью этих двух существ, которые так любили друг друга? Быть может, недостаток средств, различие в общественном положении. Быть может, Бетховен взбунтовался, уязвленный слишком длительным ожиданием, к которому его принуждали, и унижительной необходимостью бесконечно скрывать свою любовь.

Быть может, он, — человек порывистый, больной, нелюдимый, — сам того не желая, мучил свою возлюбленную и мучился сам. Союз их был разорван, но, должно быть, ни он, ни она никогда не могли забыть этой любви. До конца дней своих (она скончалась только в 1861 г.) Тереза Брунсвик любила Бетховена.

³⁵ Разговор с Шиндлером. — Р. Р.

³⁶ Однако написанное, по-видимому, в Коромпе, у Брунсвиков. — Р. Р.

³⁷ Поль, «Письма Бетховена», XV. — Р. Р.

А Бетховен в 1816 г. говорил: «Как только я вспомню о ней, сердце мое начинает биться с той же силой, как в тот день, когда я увидел ее впервые». Именно в этот год написаны шесть мелодий «К далекой возлюбленной» («An die ferne Geliebte»), ор. 98, такие проникновенные и трогательные. В своих заметках он пишет: «Сердце мое рвется из груди, когда я люблюсь этим восхитительным существом, — но ее нет здесь, нет около меня!» Тереза подарила Бетховену свой портрет с надписью: «Редкостному гению, великому художнику, доброму человеку. Т. Б.»³⁸. В последний год жизни Бетховена один близкий друг застал его с этим портретом в руках, он плакал, целовал его и по своей привычке говорил вслух: «Ты была так прекрасна, так великодушна, словно ангел!» Друг тихонько удалился; вернувшись спустя некоторое время, он увидел Бетховена за фортепиано и сказал ему: «Сегодня, друг мой, в лице вашем нет решительно ничего демонического». Бетховен ответил: «Это потому, что меня навещил сегодня мой добрый ангел». Рана оставила глубокий след. «Бедный Бетховен, — говорил он сам себе, — нет для тебя счастья на этом свете. Только там, в краю, где царит идеал, найдешь ты друзей»³⁹.

Он пишет в своих заметках: «Покорность, глубочайшая покорность судьбе: ты уже не можешь жить для себя, ты должен жить только для других, нет больше счастья для тебя нигде, кроме как в искусстве твоём. О господи, помоги мне одолеть самого себя».

* * *

Итак, любовь покинула его. В 1810 г. он снова одинок; но пришла слава, а вместе с ней и сознание своего могущества. Он в расцвете лет. Он дает волю своему неукротимому, дикому нраву, не заботясь более ни о чем, не считаясь со светом, с условностями, с мнением других. Чего ему бояться, что падать? Нет больше любви и нет честолюбия. Его сила — вот что у него осталось, радость чувствовать свою силу, потребность проявлять ее и чуть ли не злоупотреблять ею. «Сила — вот мораль людей, которые отличаются от людской посредственности». Он снова

³⁸ Этот портрет и по сие время находится в домике Бетховена в Бонне. — Р. Р.

³⁹ Письмо Глейхенштейну (Поль, «Новые письма Бетховена», XXXI). — Р. Р.

перестает заботиться о своей внешности, его манера держать себя становится особенно дерзкой. Он знает, что имеет право говорить все, что ему вздумается,— даже великим мира сего. «Я не знаю иных признаков превосходства, кроме доброты»,— пишет он 17 июля 1812 г.⁴⁰ Беттина Брентано, которая видела его в это время, говорит, что «никакой император, никакой король не обладал таким сознанием своей силы». Она была просто околдована его мощью. «Когда я увидела его в первый раз,— пишет она Гёте,— вселенная перестала существовать для меня. Бетховен заставил меня забыть весь мир, и даже тебя, о мой Гёте... Я уверена и, по-моему, не ошибаюсь, что этот человек намного опередил нашу современную культуру». Гёте искал случая познакомиться с Бетховеном. Они встретились на богемских водах в Теплице, в 1812 г., и не очень понравились друг другу. Бетховен был страстным поклонником Гёте⁴¹, но нрав у него был слишком независимый и горячий: он не мог принориться к Гёте и невольно задевал его. Он сам рассказывает об одной из прогулок, во время которой гордый республиканец Бетховен преподал урок самоуважения придворному советнику великого герцога Веймарского, чего поэт никогда ему не простил.

«Короли, принцы могут заводить себе наставников, ученых и тайных советников, могут осыпать их почестями и орденами, но они не могут создавать великих людей,

⁴⁰ «Сердце — вот истинный рычаг всего великого»,— говорит он в письме к Джизанатазио дель Рио (Ноль, «Письма Бетховена», CLXXX).— *Р. Р.*

⁴¹ «Стихи Гёте дают мне счастье»,— писал он Беттине Брентано 19 февраля 1814 г.

И другой раз:

«Гёте и Шиллер мои любимые поэты, и еще Оссиан и Гомер, которых я, к сожалению, могу читать только в переводах» (Брейткопфу и Гертелю, от 8 августа 1809 г.— Ноль, «Новые письма», LIII). Примечательно, какой верный литературный вкус у Бетховена, несмотря на недостаточность образования. Помимо Гёте, о котором Бетховен говорил: «Он велик, величествен, он всегда в ре-мажоре», и даже еще больше, чем Гёте, он любил трех писателей: Гомера, Плутарха и Шекспира. У Гомера больше всего «Одиссею». Он постоянно читал Шекспира в немецком переводе, и мы знаем, с каким трагическим величием перевел он на музыкальный язык «Кориолана» и «Бурю». Что касается Плутарха, то Плутарх для него, как и для деятелей революции, был повседневной пищей. Брут был его героем, так же как и для Микеланджело; в комнате у него стояла статуэтка Брута. Он любил Платона и мечтал об учреждении республики Платона во всем мире. «Сократ и Иисус были моими образцами»,— сказал он однажды («Разговорные тетради», 1819—1820 гг.).— *Р. Р.*

таких людей, чей дух поднимался бы выше этого велико-светского навоза... И когда два человека сходятся вместе, двое таких, как я и Гёте, пусть все эти господа чувствуют наше величие. Вчера мы, возвращаясь с прогулки, повстречали всю императорскую фамилию. Мы увидели их еще издали, Гёте оставил мою руку и стал на краю дороги. Как я ни увещевал его, что ни говорил, я не мог заставить его сделать ни шага. Тогда я надвинул шляпу на самые брови, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, стремительно двинулся в самую гущу сановной толпы. Припцы и придворные стали шпалерами, герцог Рудольф снял передо мной шляпу, императрица поклонилась мне первая. Великие мира сего знают меня. Я имел удовольствие наблюдать, как вся эта процессия продефилировала мимо Гёте. Он стоял на краю дороги, низко склонившись, со шляпой в руке. И задал же я ему головомойку потом, ничего не спустил...»⁴² Гёте этого тоже не мог забыть⁴³.

⁴² Письмо Беттине фон Арним (Ноль, «Письма Бетховена», XCI). Подлинность писем Бетховена Беттине оспаривалась Шиндлером, Марком и Дейтерсом, но Морис Каррьер, Ноль и Калишер настаивают на авторстве Бетховена. Беттина, вероятно, «приукрасила» кое-что, но суть передана точно.— *Р. Р.*

⁴³ «Бетховен,— говорил Гёте Цельтеру,— к несчастью, существо совершенно необузданное; разумеется, он прав, говоря, что мир омерзителей, но так ведь не сделаешь мир более приятным ни для себя, ни для других. Однако его надо извинить и пожалеть: он глухой». В дальнейшем Гёте ни в чем не проявил исприязни к Бетховену, но и ничего для него не сделал: полное молчание о творениях Бетховена, ни одного упоминания его имени. Втайне Гёте восхищался музыкой Бетховена и одновременно страшился — она приводила его в смятение; Гёте боялся, что под ее влиянием утратит то душевное равновесие, которого он добился ценой стольких усилий и которое, вопреки ходячему мнению, было ему отнюдь не свойственно. Он не признавался в этом другим, да, быть может, и себе самому. Одно письмо юного Феликса Мендельсона, который был проездом в Веймаре в 1830 г., невольно позволяет проникнуть в глубь этой души, «мятущейся и страстной» (leidenschaftlicher Sturm und Verworrenheit, как выражался сам Гёте), но подчиненной могучему интеллекту.

«...Сперва,— пишет Мендельсон,— он и слушать не хотел о Бетховене, но ему волей-неволей пришлось уступить и выслушать первый отрывок симфонии до-минор, взволновавший его необычайно. Он постарался ничем этого не обнаружить и лишь заметил: «Это совсем не трогает, это только удивляет». Спустя некоторое время он добавил: «Это грандиозно, противно разуму, кажется, вот-вот дом обвалится». Сели обедать, за столом Гёте был задумчив вплоть до той минуты, когда снова разговор зашел о Бетховене; тогда он принялся расспрашивать меня, вынытывать. Я отлично видел, под каким сильным впечатлением он был...»

Я посвятил целую книгу взаимоотношениям Гёте и Бетховена. (См. «Гёте и Бетховен», 1930.) — *Р. Р.*

К тому времени — 1812 г. — относятся Седьмая и Восьмая симфонии, написанные в течение нескольких месяцев в Теплице. Это вакханалия ритма и симфония-юмореска, два произведения, в которых Бетховен проявил себя с наибольшей непосредственностью и, как он сам выразился, предстал «расстегнутым» (*aufgeknöpft*), — здесь порывы веселья и ярости, неожиданные контрасты, ошеломляющий и величественный юмор, титанические взрывы, которые приводили в ужас Гёте и Цельтера⁴⁴ и даже породили молву в Северной Германии, что симфония ля-минор — произведение пьяницы. Да, конечно, этот человек был пьян. Но чем? Своей мощью и своим гением. «Я, — говорил он про себя, — я Вакх, который выжимает сладостный сок винограда для человечества. Это я дарую людям божественное иступление духа». Не знаю, прав ли Вагнер, утверждавший, будто Бетховен хотел изобразить в финале своей симфонии дионисийское празднество⁴⁵. В этом буйном ярмарочном веселье мне особенно явственно видятся его фламандские черты, так же как я пахожу следы его происхождения в дерзкой вольности языка и манер, составляющей такой великолепный диссонанс с нравами страны дисциплины и послушания. Симфония ля-минор — само чистосердечие, вольность, мощь. Это безумное расточительство могучих, нечеловеческих сил — расточительство без всякого умысла, а веселья ради — веселья разлившейся реки, что вырвалась из берегов и затопляет все. Восьмая симфония не отличается столь грандиозной мощью, но она еще более необычайна, еще более характерна для человека, который смешивает воедино трагедию с шуткой и геркулесову силу с шалостями и капризами ребенка⁴⁶.

⁴⁴ Письмо Гёте к Цельтеру от 2 сентября 1812 г. и Цельтера к Гёте от 14 сентября 1812 г.: «И я тоже восхищаюсь им с ужасом» («*Auch ich bewundere ihn mit Schrecken*»). В 1819 г. Цельтер пишет Гёте: «Говорят, он сумасшедший». — *Р. Р.*

⁴⁵ Во всяком случае Бетховен подумывал об этой теме, что подтверждают некоторые его заметки и, в частности, наброски к Десятой симфонии. — *Р. Р.*

⁴⁶ К этому времени относится нежная дружба Бетховена с молодой берлинской певицей Амалией Зебальд, которая, возможно, вдохновляла его. В те годы он пережил еще одно мучительное увлечение, предмет которого и доныне не выяснен. Последняя вспышка горькой любви старого, большого сердца, для которого уже не оставалось надежд. Об этих горестях можно прочесть его признания своей юной приятельнице Фанни дель Рио, записанные в ее интимном «Дневнике». — *Р. Р.*

1814 г. — вершина бетховенской славы. Во время Венского конгресса его встречают как европейскую знаменитость. Он принимает деятельное участие в празднествах. Коронованные особы почтительно восторгались им, а он гордо принимал их поклонение, как потом хвастался Шиндлеру.

Война за независимость воодушевляет Бетховена. В 1813 г. он пишет симфонию «Победа Веллингтона», а в начале 1814 г. воинственную хоровую песню «Возрождение Германии» («*Germanias Wiedergeburt*»). Двадцать девятого ноября 1814 г. в присутствии коронованных особ он дирижирует патриотической кантатой «Славный миг» («*Der glückliche Augenblick*»). В 1815 г. сочиняет хор на взятие Парижа «Свершилось!» («*Es ist vollbracht!*»). Эти произведения на случай способствовали его славе больше, нежели все остальное творчество. Гравюра Блазиуса Гефеля с рисунка француза Летрона и суровая маска, вылепленная с его лица Францем Клейном в 1812 г., показывают нам живой образ Бетховена, каким он был во время Венского конгресса. И господствующей чертой этого львиного лица со стиснутыми челюстями, со складками ярости и скорби является воля — наполеоновская воля. Узнаешь человека, который сказал про Наполеона после Иены: «Как жаль, что я не знаю военного дела так, как знаю музыку! Я бы его разбил!» Но его царство было не от мира сего. «Мое царство — там, в эфире» («*Mein Reich ist in der Luft*»)⁴⁷, — писал он Францу фон Брунsvику.

* * *

Вслед за этим часом славы наступает самая печальная, самая горестная година его жизни.

Бетховен никогда не любил Вены. Столь гордый и свободный гений не мог чувствовать себя привольно в этом пасквозь фальшивом городе, пропитанном светской посредственностью, которую так жестоко заклеил своим

⁴⁷ «Не буду ничего говорить Вам о наших монархах и об их монархиях, — пишет он Кауке во время Венского конгресса. — Что для меня, то царство духа мне дороже всех иных, это высшая из всех империй светских и церковных» («*Mir ist das geistliche Reich das Liebste und der Oberste aller geistlichen und weltlichen Monarchien*»). — *Р. Р.*

презрением Вагнер⁴⁸. Бетховен пользуется любым поводом, чтобы вырваться отсюда; около 1808 г. он почти решил покинуть Австрию и поселиться при дворе Жерома Бонапарта, короля вестфальского⁴⁹. Но в Вене все же было больше простору для музыки, и, надо признать, там всегда находились знатные любители, которые способны были почувствовать величие Бетховена и избавить свою родину от позора, каким была бы потеря Бетховена для Австрии. В 1809 г. трое из богатейших вельмож Вены — эрцгерцог Рудольф, ученик Бетховена, князь Лобковиц и князь Кински — обязались сообща выплачивать ему ежегодную пенсию в четыре тысячи флоринов под единственным условием, что он останется в Австрии. «Поскольку доказано, — заявили они, — что человек не может посвятить себя целиком искусству, если он не избавлен от всяких материальных забот, и что только при этом условии он может создавать великие произведения, которые составляют истинную славу искусства, мы, нижеподписавшиеся, приняли решение оградить Людвигу ван Бетховену от нужды и устранить таким образом низменные препятствия, которые могли бы помешать его гению воспарить».

К несчастью, эти обязательства остались в сущности на бумаге. Субсидия выплачивалась крайне неаккуратно, а вскоре и вовсе прекратилась. Кстати сказать, и самый характер Вены изменился после Венского конгресса 1814 г. Общество отвлекалось от искусства политикой, музыкаль-

⁴⁸ «Вена — разве этим не все сказано? Все черты немецкого протестантизма стерлись, даже и выговор национальный наш утрачен, обывательнился. Немецкий дух, манеры и нравы немецкие излагаются в привозных руководствах, итальянских да испанских... Страна с поддельной историей, с поддельной наукой, с поддельной религией... легкомысленным скептицизмом, который неминуемо должен был разрушить и похоронить любовь к истине, к чести и к независимости!» (Вагнер, «Бетховен», 1870).

Грильпарцер писал, что родиться австрийцем — несчастье. Крупные немецкие композиторы конца XIX в., которые жили в Вене, жестоко страдали в атмосфере этого города, полного ханжеского преклонения перед Брамсом. Жизнь Брукнера была просто некончаемой мукой. Гуго Вольф, который яростно боролся, пока не погиб, беспощадно порицал Вену. — *Р. Р.*

⁴⁹ Король Жером предлагал Бетховену содержание в шестьсот золотых дукатов пожизненно и прогонные на дорогу в полтораста серебряных дукатов только за согласие играть для него иногда и дирижировать камерными концертами, обещая, что они не будут ни слишком длинными, ни слишком частыми (Ноль, XLIX). Бетховен совсем уже было согласился уехать. — *Р. Р.*

ный вкус был испорчен итальянщицей, модой повелевал Россини, и она обильно Бетховена педантом⁵⁰. Друзья и покровители Бетховена разъехались, а кое-кто и умер: князь Кински в 1812 г., Лихновски в 1814 г., Лобковиц в 1816 г. Разумовский, для которого Бетховен написал свои изумительные квартеты, ор. 59, устроил его последний концерт в феврале 1815 г. В том же году Бетховен поссорился с Стефаном фон Брёнингем, другом детства и братом Элеоноры⁵¹. Отныне он одинок⁵².

«Больше нет у меня друзей, и я в мире — один», — пишет он в своих заметках в 1816 г.

Глухота его стала полной⁵³. Начиная с осени 1815 г. он общается с людьми только при помощи письма. Самая ранняя из его «Разговорных тетрадей» относится к 1816 г.⁵⁴ Известен трагический рассказ Шиндлера о предании «Фиделио» в 1822 г.: «Бетховен пожелал на

⁵⁰ Достаточно было «Танкреда» Россини, чтобы пошатнуть всю храмину немецкой музыки. Бауэрфельд, которого цитирует Эргард, записывает в своем «Дневнике» нижеследующее мнение, весьма распространенное в венских салонах в 1816 г.: «Моцарт и Бетховен — старые педанты, их превозносила глупость прежней эпохи, и только Россини открыл нам, что такое мелодия. «Фиделио» — мерзость, трудно понять, как это можно ходить на него, такая скука».

Последний концерт Бетховена-пианиста состоялся в 1814 г. — *Р. Р.*
⁵¹ В том же году Бетховен потерял своего брата Карла. «Он очень дорожил жизнью — в такой же мере, в какой я жажду расстаться с моей», — писал он Антонии Брентано. — *Р. Р.*

⁵² Если не считать его трогательной дружбы с графиней Марией фон Эрдеди, которая, как и он сам, постоянно хворала (у нее была неизлечимая болезнь), а в 1816 г. внезапно потеряла единственного сына. Бетховен посвятил ей в 1809 г. два трио, ор. 70, а в 1815—1817 гг. — две больших сонаты для виолончели, ор. 102. — *Р. Р.*

⁵³ Не говоря уже о глухоте, здоровье его ухудшалось с каждым днем. С октября 1816 г. он страдал катаром дыхательных путей. Летом 1817 г. его врач заявил, что это легочная болезнь. Зимой 1817/18 г. он очень страдал из-за предполагаемой чахотки. Затем острые припадки ревматизма в 1820—1821 гг., желтуха в 1821 г., коклюш в 1823 г. Бетховен писал Францу Брентано 12 ноября 1821 г. (в разгар работы над Мессой в ре): «Весь этот год я непрерывно болею... Теперь, правда, благословение богу, мне лучше, и, мне кажется, я могу еще жить ради своего искусства; а ведь последние два года это было не так, и не только по причине болезни, но и из-за страданий иного рода». — *Р. Р.*

⁵⁴ Следует отметить, что с этого года стиль его музыки меняется; впервые это обнаруживается в сонате, ор. 101.

«Разговорные тетради» Бетховена, заключающие в себе более 11 тысяч рукописных страниц, ныне собраны в Королевской библиотеке в Берлине. Вальтер Поль начал издавать в 1923 г. тетради, обнимающие период с марта 1819 г. по март 1820 г. («Ludwig van Beethoven's Konversations Heft», Allgemeine Verlagsanstalt, München). К сожалению, издание прекратилось на первом томе. — *Р. Р.*

генеральной репетиции дирижировать сам... Начиная с дуэта в первом акте, стало ясно, что он ровно ничего не слышит из того, что происходит на сцене. Он заметно замедлял ритм, и в то время как оркестр следовал за его палочкой, певцы, не обращая на это внимания, уходили вперед. Произошло замешательство. Умлауф, который обычно дирижировал оркестром, предложил на минуту приостановить репетицию, не объясняя причин. Затем он обменялся несколькими словами с певцами, и репетиция возобновилась. Но снова началась сумятица. Пришлось опять сделать перерыв. Было совершенно очевидно, что продолжать под управлением Бетховена невозможно, но как дать ему это понять? Ни у кого не хватало духу сказать ему: «Уйди, бедный калека, ты не можешь дирижировать». Бетховен, встревоженный, растерянный, обращался направо, налево, силясь прочесть по выражению лиц, что случилось, и понять, отчего происходит заминка; со всех сторон — молчание. Внезапно он окликнул меня властным голосом, требуя, чтобы я подошел к нему. Когда я приблизился, он подал мне свою записную книжку и знаком велел писать. Я написал: «Умоляю вас, не продолжайте, дома объясню, почему». Одним прыжком он очутился в партере, крикнув мне: «Уйдем скорей!» Он добежал до своего дома и в изнеможении бросился на диван, спрятав лицо в ладони. И так он оставался до обеда. За столом я не мог вытянуть из него ни слова; вид у него был совершенно убитый, на лице написано глубочайшее страдание. После обеда, когда я собрался уходить, он удержал меня, сказав, что ему не хочется оставаться одному. Потом, когда мы прощались, он попросил меня проводить его к доктору, который славился как специалист по ушным болезням... За все время, что я потом встречался с Бетховеном, не могу припомнить ни одного дня, который можно было бы сравнить с этим роковым ноябрьским днем... Бетховен был ранен в самое сердце, и впечатление об этой ужасной сцене не изгладилось в нем до самой смерти»⁵⁵.

Спустя два года, 7 мая 1824 г., дирижируя «Симфонией с хорами» (или, вернее, как стояло в программе, «участвуя в управлении концертом»), он совсем не слы-

⁵⁵ Шиндлер, который стал близким другом Бетховена в 1819 г., познакомился с ним еще в 1814 г., но Бетховену стоило большого труда пересилить себя, прежде чем он допустил эту дружбу; сначала он относился к Шиндлеру с презрительным высокомерием.— *Р. Р.*

шал восторженного шума, который поднялся в зале; он только тогда обнаружил это, когда одна из певиц взяла его за руку и повернула лицом к публике, — и тут он неожиданно увидел, что все поднялись с мест, машут шляпами и рукоплещут. Один англичанин-путешественник, некий Рассел, видел его за роялем в 1825 г. и рассказывает, что, когда Бетховен переходил на пианиссимо, клавиши не звучали совсем, но в наступившей полной тишине пельзя было оторваться от его лица, от его напряженных пальцев, которые одни только и выдавали всю силу охватившего его волнения.

Отрезанный как стеною от людей⁵⁶, он находил утешение только в природе. «Она была единственной его наперсницей», — вспоминает Тереза фон Брупсвик. Природа была его убежищем. Чарльз Нит, который знал его в 1815 г., говорит, что он никогда не видел человека, который бы так нежно любил цветы, облака, природу⁵⁷, казалось, он живет ею. «Никто на белом свете не может любить деревню так, как я, — пишет Бетховен. — Я могу полюбить какое-нибудь дерево больше, чем человека...» В Вене он каждый день гулял за городом. В деревне от зари до потемок он бродил один-одинешенек без шляпы — и в жару и под дождем. «Всемогущий! — В лесах счастливы я, — я счастлив в лесах, где каждое дерево говорит о тебе. — Боже, какое великолепие! — В этих лесах, в долинах этих — там, в покое, — можно служить тебе».

Там его смятенный дух обретал минуты успокоения⁵⁸. Бетховена постоянно донимали денежные заботы. В 1818 г. он пишет: «Я дошел чуть ли не до полной нищеты и при этом должен делать вид, что не испытываю ни в чем недостатка». И еще: «Сопата, ор. 106, была написана из-за куска хлеба». Шпор рассказывает, что нередко он вынужден был оставаться дома из-за рваной обуви. У него были крупные долги издателям, а его произведения ничего ему не приносили. Месса в ре, на которую была объявлена подписка, собрала только семь подписчиков (и среди них

⁵⁶ См. изумительные страсти Вагнера по поводу глухоты Бетховена («Бетховен», 1870).— *Р. Р.*

⁵⁷ Он любил животных и жалел их. Мать историка фон Фриммеля рассказывает, что она долгое время ненавидела Бетховена, потому что, когда она была маленькой девочкой, он вечно отгонял носовым платком бабочек, которых она собиралась поймать.— *Р. Р.*

⁵⁸ У него были вечные неприятности с квартирами. За тридцать пять лет жизни в Вене он переезжал тридцать раз.— *Р. Р.*

ни одного музыканта)⁵⁹. Он получал самое большое тридцать — сорок дукатов за свои изумительные сонаты, а каждая из них стоила ему трех месяцев работы. По заказу князя Голицына он писал квартеты, ор. 127, 130, 132; из всех его произведений это, пожалуй, самые глубокие, написанные кровью сердца. Голицын не платил ему за них ничего. Бетховен изнемогал под бременем тяжелых житейских забот: бесконечных тяжб из-за выплаты причитающейся ему пенсии, хлопот, связанных с опекой над племянником, сыном брата Карла, умершего от чахотки в 1815 г.

Он перенес на этого мальчика всю жажду привязанности, переполнявшую сердце. Но и здесь его ждало тяжелое разочарование. Казалось, заботливое провидение неклоло о том, чтобы никогда не иссякали рушившиеся на Бетховена беды, дабы гений его никогда не испытывал недостатка в пище. Сначала пришлось бороться за маленького Карла с его недостойной матерью, которая пыталась отнять сына у Бетховена.

«О бог мой,— пишет он,— ты мой оплот и защита, единственное мое прибежище! Ты читаешь в сокровенных глубинах души моей и знаешь, сколь мучаюсь я, вынужденный причинять страдания людям, которые хотят отнять у меня моего Карла, сокровище мое!»⁶⁰ Услышь меня, существо, коего имени я не знаю, снизойди к пламенной молитве несчастнейшего из творений твоих!»

«О боже! Помогите мне! Ты видишь, я покинут всеми за то, что не хочу примириться с неправдой! Услышь молитву, которую я возношу тебе, чтобы хоть в будущем мог я жить с моим Карлом!.. О жестокая судьбина, неумолимый рок! Нет, нет, несчастью моему не будет конца!»

А затем этот столь горячо любимый племянник показал себя недостойным доверия своего дяди. Переписка Бетховена с ним полна горя и возмущения, она напоминает переписку Микеланджело с братьями, только еще более наивна и трогательна.

«Неужели мне снова и на этот раз отплачено за все самой гнусной неблагодарностью? Ну что же, коли узы,

⁵⁹ Бетховен лично обратился к Керубини, которого «из своих современников уважал больше всех» (Ноль, «Письма Бетховена», ССL). Керубини не ответил.— *P. P.*

⁶⁰ «Я никогда не мщу,— пишет он как-то г-же Штрейхер.— Когда мне приходится действовать против других людей, я делаю только то, что уж совершенно необходимо для того, чтобы защититься или помешать им сделать зло».— *P. P.*

связующие нас, должны быть расторгнуты,— пусть так! Все беспристрастные люди, которые узнают об этом, отвернутся от тебя... Если уговор, связующий нас, тяготит тебя, помилуй боже, да свершится веление его — оставлю тебя на волю провидения; я сделал все, что мог; я готов предстать перед судьей предвечным ...»⁶¹.

«Ты так избалован, что не во вред тебе было бы постараться стать, наконец, простым и правдивым. Сердце мое столько перестрадало из-за твоего лицемерного поведения со мной, что мне трудно это забыть... Бог свидетель, только о том и мечтаю, чтобы быть как можно дальше от тебя, и от этого злосчастного брата, и всей этой отвратительной семьи... Больше я не могу доверять тебе». И подписывается: «К несчастью, отец твой,— или, вернее, не отец тебе»⁶².

Но за этим немедленно следует прощение:

«Дорогой сын! Забудем все,— вернись в мои объятия, ты не услышишь от меня ни одного жестокого слова... Я приму тебя с той же любовью. Мы дружески поговорим обо всем, что надо сделать для твоей будущности. Вот тебе мое честное слово: ни единого упрека! Что толку упрекать? Верь, что тебя ждет самая сердечная заботливость, помощь любящей души. Вернись — вернись и прильни к груди отца.— *Бетховен.*— Приезжай сейчас же, как только получишь это письмо, возвращаясь». И на конверте рядом с адресом по-французски: «Если Вы не возвратитесь, Вы меня убьете наверняка»⁶³.

«Не лги мне,— умоляет он,— будь всегда моим возлюбленным сыном! Какой ужасный диссонанс, неужели ты отплачиваешь мне лицемерием, как меня пытаются в этом убедить?.. Прощай, тот, кто хотя и не дал тебе жизнь, но несомненно сохранил тебе ее, и кто всеми силами заботился о нравственном твоём развитии,— он просит тебя от всей глубины своего сердца держаться единственно истинного пути добра и справедливости. *Твой верный, добрый отец*»⁶⁴.

Бетховен лелеял самые разнообразные мечты о будущности своего племянника, юноши, не лишенного способ-

⁶¹ Ноль, «Письма Бетховена», CCCXLIII.— *P. P.*

⁶² Ноль, «Письма Бетховена», CCCXIV.— *P. P.*

⁶³ Ноль, «Письма Бетховена», CCCLXX.— *P. P.*

⁶⁴ Ноль, «Письма Бетховена», CCCLXII—CCCLXVII. Письмо, найденное в Берлине Калишером, показывает, как страстно хотел Бетховен сделать своего племянника «полезным государству гражданском» (от 1 февраля 1819 г.).— *P. P.*

ностей, думал дать ему университетское образование, но пришлось примириться с тем, что молодой Карл станет коммерсантом. Карл шатался по игорным притонам, делал долги.

Печальное явление, однако его можно наблюдать много чаще, чем думают,— нравственное величие дядюшки не только не оказывало благотворного влияния на племянника, а, напротив, действовало на него дурно, ожесточало юношу; он злобно бунтовал, о чем свидетельствует нижеследующее страшное признание, в котором обнажила себя эта низменная душа: «Я стал хуже потому, что дядя мой хотел сделать меня лучше». Дошло до того, что летом 1826 г. он пытался застрелиться, но выжил. Зато Бетховен едва не умер, он так никогда и не оправился от этого ужасного потрясения⁶⁵. Карл выздоровел и остался жить, продолжая терзать Бетховена, в смерти которого он до некоторой степени был повинен; он даже не присутствовал при последних минутах дяди. «Бог никогда не оставлял меня,— писал Бетховен своему племяннику за несколько лет до смерти.— Найдется все-таки человек, который закроет мне глаза». Но этим человеком оказался не тот, кого он называл своим сыном⁶⁶.

* * *

И вот из самой бездны скорби Бетховен задумал восславить Радость.

Это был замысел целой жизни. Он вынашивал его с 1792 г., еще в Бонне⁶⁷. Всю свою жизнь мечтал Бетхо-

⁶⁵ Шидлер, который тогда его видел, рассказывает, что он сразу превратился в семидесятилетнего старика, разбитого, обессиленного, лишенного всякой воли. Он бы не пережил смерти Карла.— Бетховен умер через несколько месяцев.— *P. P.*

⁶⁶ Наши современные снобы не постеснялись сделать попытку оправдать этого прохвоста. Но чего же от них ждать! — *P. P.*

⁶⁷ Письмо Фишениха к Шарлотте Шиллер (январь 1793 г.). Ода Шиллера была написана в 1785 г. Тема эта впервые появляется у Бетховена в 1808 г., в «Фантазии для фортепиано, хора и оркестра», ор. 80, а в 1810 г.— в песне на слова Гёте: «Ты, цветочек, ты, листочек...» («Kleine Blüten, kleine Blätter»). В нотной тетради 1812 г., принадлежащей д-ру Эриху Пригеру в Бонне, я видел среди черновиков Седьмой симфонии и набросков увертюры к «Макбету» попытку приспособить текст Шиллера к теме, которой Бетховен воспользовался позже в увертюре, ор. 115 («Namensfeier»). Некоторые инструментальные мотивы из Девятой симфонии слышатся в произведениях, написанных ранее 1815 г. Наконец, окончательный вариант темы Радости написан в 1822 г., как и все остальные мелодии симфонии, кроме *трио*, которое родилось немного позднее, затем *анданте модерато*, и, наконец, *адажио*, которое появилось последним.— *P. P.*

вен воспеть Радость и увенчать ею одно из своих крупных произведений. Всю свою жизнь он искал и не находил точной формы для такого гимна, обдумывал произведение, которое подошло бы для этого. Даже в Девятой симфонии он еще не окончательно решился. До самой последней минуты он все думал отложить «Оду к Радости» до Десятой или Одиннадцатой симфонии. Следует отметить, что Девятая симфония не называется, как часто говорят, «Симфония с хорами», но «Симфония с заключительным хором оды к Радости». Она могла иметь и едва не получила другого финала. В июле 1823 г. Бетховен еще подумывал дать ей инструментальный финал, который затем нашел себе место в квартете, ор. 132. Черни и Зонлейтнер уверяют даже, что и после первого исполнения (в мае 1824 г.) Бетховен еще не оставил этой мысли.

Введение хора в симфонию представляло очень большие технические трудности, как показывают это тетради Бетховена, хранящие след многочисленных попыток ввести голоса то так, то иначе, то в тот, то в иной момент развития произведения. На полях наброска второй мелодии *адажио*⁶⁸ он записал: «Может быть, хору как раз здесь и будет место вступить». Но он никак не мог решиться расстаться со своим верным оркестром. «Когда мне приходит в голову какая-нибудь мысль,— говорил он,— я всегда слышу ее в инструменте, а не в голосе». Поэтому он до последней возможности оттягивает момент вступления голосов и сначала даже отдает инструментам не только речитативы *финала*⁶⁹, но даже и самое тему Радости.

Но следует отступить еще дальше назад, чтобы найти объяснение этим колебаниям и оттяжкам; причина их лежит глубже. Этот страдалец, вечно терзаемый горем, постоянно мечтал воспеть торжество Радости. И из года в год он откладывал свой замысел; снова и снова Бетховена захватывал шквал страстей, мучений, угнетала печаль. Лишь в последний день он достиг задуманного. И с каким величием!

В тот момент, когда тема Радости вступает впервые, оркестр сразу смолкает, воцаряется внезапная тишина; это-то и придает вступлению голоса такой таинственный и небесно-чистый характер. И в самом деле, сама эта

⁶⁸ Хранится в Берлинской библиотеке.— *P. P.*

⁶⁹ «Как если бы это было написано на слова» (Also ganz so, als ständen Worte darunter).— *P. P.*

тема — божество. Радость нисходит с небес, овеянная сверхъестественным спокойствием; легкое ее дыхание исцеляет горести; первое ее дуновение так нежно, когда она еще только проскальзывает в сердце, врачуя его, что, подобно другу Бетховена, «хочется заплакать, когда видишь эти кроткие глаза». Затем, когда тема переходит к голосам, она сначала возникает в басу, строгая и несколько стесненная. Но мало-помалу Радость завладевает всем существом. Это победа, это война страданияю. А вот и походный марш, движутся полки — звучит пламенный, прерывающийся от волнения голос тенора, все эти трепетные страницы, с которых как будто доносится дыхание самого Бетховена, и вы слышите ритм его дыхания и его вдохновенных призывов, когда он носился по полям, сочиняя свою симфонию, охваченный демоническим иступлением, словно престарелый король Лир во время бури. Воинственное ликование сменяется религиозным экстазом, затем наступает священная оргия — безумие любви. Весь род людской труппы воздевает руки к небу, устремляется к Радости, прижимает ее к своему сердцу.

Творение титана победило посредственность публики. Легкомыслие Вены было на миг обезоружено. Ведь властителем ее дум являлся Россини, итальянская опера. Бетховен, униженный, подавленный, собирался переехать в Лондон и там исполнить свою Девятую симфонию. И во второй раз, как в 1809 г., несколько знатных друзей обратились к нему с просьбой не покидать отчизну. «Мы знаем, — говорили они, — что Вы написали новое произведение религиозной музыки⁷⁰, в котором выразили чувства, внушенные Вам Вашей глубокой верой. Тот свет неземной, что пронизывает великую Вашу душу, озаряет и Ваши творения. Мы знаем сверх того, что венки Ваших великих симфоний украсился еще одним цветком бессмертным... Ваше молчание за эти последние годы печалило всех, чьи взоры были устремлены к Вам⁷¹. Все с грустью думали, что человек, отмеченный печатью гения, так высоко вознесенный среди смертных, пребывает в полном молчании, тогда как чужеземная музыка стремится пустить ростки на нашей почве и за-

⁷⁰ Месса в ре, ор. 123. — *Р. Р.*

⁷¹ Измученный домашними невзгодами, нищетой, всевозможными хлопотами, Бетховен за пять лет, с 1816 по 1821 г., написал только три вещи для фортепиано (ор. 101, 102 и 106). Враги уже поговаривали, что он испился. Он снова засел за работу в 1821 г. — *Р. Р.*

глушить произведения немецкого искусства. От Вас одного нация ждет новой жизни, новых лавров и нового царства истины и красоты, наперекор изменчивой моде... Дайте нам надежду увидеть вскорости осуществление наших желаний... И пусть приближающаяся весна расцветет вдвойне благодаря Вашим дарам — и для нас и для всего мира!»⁷². Это благодарное обращение показывает, как велико было могущество Бетховена не только в артистическом, но и в нравственном смысле над избранными людьми Австрии. Желая прославить гений Бетховена, его ценители прежде всего вспоминают не науку, не искусство, а веру⁷³.

Бетховен был глубоко растроган этим обращением. Он остался. Седьмого мая 1824 г. в Вене состоялось первое исполнение Мессы в ре и Девятой симфонии. Успех был триумфальный, граничащий с потрясением основ. Когда Бетховен появился, его пятькратно приветствовали взрывами аплодисментов, тогда как в этой стране этикета императорскую фамилию полагалось приветствовать лишь трехкратным рукоплесканием. Понадобилось вмешательство полицейских, чтобы положить конец овациям. Симфония вызвала неистовый восторг. Многие плакали. Бетховен от потрясения после концерта упал без чувств; его отнесли к Шиндлеру. И там он пролежал в полузабытии, как был, одетый, не евши и не пивши, всю ночь и часть следующего дня. Но триумф был мимолетным и практически никаких результатов не дал. Концерт не принес Бетховену ничего! Никаких перемен в его тяжелом материальном положении не произошло. Он остался такой же нищий, больной⁷⁴, одинокий, но победи-

⁷² Февраль 1824 г. Подписали: князь Н. Лихновски, граф Мориц Лихновски, граф Мориц фон Фриз, граф М. фон Дитрихштейн, граф Ф. фон Пальфи, граф Чернин, Игнац Эдлер, Карл Черни, аббат Штадлер, А. Диабелли, Артариа, Штейнер, А. Штрейхер, Эмексаль, Килеветтер и др. — *Р. Р.*

⁷³ «Мой нравственный облик известен всем, — гордо говорил Бетховен в Венском муниципалитете 1 февраля 1819 г., отстаивая свое право быть опекуном племянника. — Даже такие избранные писатели, как Вейсенбах, полагали меня достойным того, чтобы посвящать мне свои сочинения». — *Р. Р.*

⁷⁴ В августе 1824 г. его мучило опасение умереть внезапно от удара, «как мой дорогой дед, на которого я так похож», — пишет он 16 августа 1824 г. доктору Баху.

Он жестоко страдал желудком. Ему было очень плохо зимой 1824/25 г. В мае 1825 г. у него открылось кровохарканье, кровотечение из носа. Девятого июня 1825 г. он пишет своему племяннику: «Слабость моя крайне обострилась... Призрак с косой не заставит себя ждать, скоро явится». — *Р. Р.*

тель⁷⁵ — победитель человеческой посредственности, победитель собственной судьбы, победитель своего страдания.

«Ради своего искусства жертвуй, жертвуй всегда путями житейскими. Бог превыше всего!» («O Gott über alles»).

* * *

Итак, он достиг цели, к которой стремился всю жизнь. Он овладел Радостью. Сумеет ли он удержаться на этой вершине духа, откуда он попирает бури? Конечно, бывали дни — и нередко, — когда им снова овладевала прежняя скорбь. Конечно, последние квартеты Бетховена наполняют странный мрак. И все же победа Девятой симфонии, по-видимому, оставила в его душе свой ликующий след. Его замыслы на будущее:⁷⁶ Десятая симфония⁷⁷, Увертюра

⁷⁵ Девятая симфония была исполнена в первый раз в Германии, во Франкфурте, 1 апреля 1825 г.; в Лондоне она исполнялась 25 марта 1825 г.; в Париже — в консерватории, 27 марта 1831 г. Мендельсон, которому тогда было семнадцать лет, исполнил ее на фортепиано в Искерхалле, в Берлине, 14 ноября 1826 г. Вагнер, лейпцигский студент, переписал ее всю собственноручно; в письме от 6 октября 1830 г. к издателю Шотту он предлагает свое переложение симфонии для исполнения на фортепиано. Можно смело сказать, что Девятая симфония решила судьбу Вагнера. — P. P.

⁷⁶ «Аполлон и музы не пожелают так скоро предать меня в руки смерти; я еще столько им должен! Мне надобно до моего отбытия в поля Елисейские оставить после себя все, что дух внушил мне и позволяет довершить. А мне кажется, что я едва написал несколько нот» (братьям Шотт, 17 сентября 1824 г. — Ноль, «Новые письма», CCLXXII). — P. P.

⁷⁷ Бетховен пишет Мошелесу 18 марта 1827 г.: «Целая симфония набросана у меня полностью и лежит в портфеле с новой увертюрой». Эти наброски никем найдены не были. Только в его заметках можно прочесть:

«Адажио — религиозный гимн. — Церковное песнопение для симфонии в старинных ладах: «Слава всевышнему, аллилуйя» («Herr Gott, dich loben wir, Halleluja»), либо совершенно самостоятельно, либо в виде вступления к фуге. Для этой симфонии характерно будет вступление голосов — то ли в финале, то ли начиная с адажио. Скрипки в оркестре, затем они десятикратно усиливаются в последние моменты. Пусть голоса вступают один за другим; или повторить некоторые мотивы адажио в последних тактах. Текст для адажио — греческий миф или духовное песнопение, в аллегро — праздничное Вакха» (1818 г.).

Как ясно отсюда, хоральное заключение было оставлено для Десятой, а отнюдь не для Девятой симфонии.

Позднее он говорит, что мечтает создать в Десятой симфонии картину «воссоединения современного мира с античным, то, что Гёте пытался сделать в своем «Втором Фаусте». — P. P.

памяти Баха, музыка к «Мелюзине» Грильпарцера⁷⁸, к «Одиссеею» Кёрнера, к «Фаусту» Гёте⁷⁹, библейская оратория «Саул и Давид». Все это свидетельствует, что дух его влечет мощная ясность великих старых немецких мастеров: Бах и Гендель, а еще более того полуденный свет, юг Франции и та Италия, по которой он так мечтал побродить⁸⁰.

Доктор Шпиллер, который видел его в 1826 г., рассказывает, что у него стал веселый и радостный вид. В том году, когда Грильпарцер беседует с ним в последний раз, это Бетховен внушает бодрость удрученному стихотворцу. «Ах, — говорит поэт, — если бы только у меня была тысячная доля вашей силы и вашей стойкости!» Времена были жестокие, монархическая реакция подавляет умы. «Меня душит цензура, — стонал Грильпарцер, — надо бежать в Северную Америку, коли хочешь говорить и мыслить свободно». Но никакая власть не могла наложить узы на мысль Бетховена. «Слова закованы в кандалы, но, к счастью, звуки еще свободны», — пишет ему поэт Куфнер. Бетховен — это великий и свободный голос, единственный, быть может, в то время выражавший немецкую мысль. И он сам это чувствовал. И нередко говорил о возложенном на него долге действовать силами своего искусства «ради страждущего человечества», ради «человечества будущего» («der künftigen Menschheit»), ради его блага, внушать ему мужество, пробуждать от спячки, бичевать его трусость. «Время наше, — писал он своему племяннику, — нуждается в умах могучих, дабы хлестать этих жалких потаскушек, именуемых людскими душонками». Доктор Мюллер говорит в 1827 г., что «Бетховен всегда открыто

⁷⁶ Сюжетом является легенда о рыцаре, который влюблен и пленен феей и мучается тоской по родине и свободе. Имеется нечто общее между этой поэмой и «Тангейзером». Бетховен работал над ней с 1823 по 1826 г. — P. P.

⁷⁹ У Бетховена было, еще в 1808 г., намерение написать музыку к «Фаусту» (первая часть «Фауста» только что вышла под названием «Трагедия» осенью 1807 г.). Это был самый дорогой его сердцу замысел («То, что для меня и для искусства есть вершина») («Was mir und der Kunst das Höchste ist»). — P. P.

⁸⁰ «Юг Франции! туда, туда!» Südliches Frankreich! dahin! dahin!» (записная книжка в Берлинской библиотеке). «Уехать отсюда. Только при этом условии сумеешь ты подняться в высокие области своего искусства. Еще одну симфонию — затем бежать, бежать, бежать... Лето работать — для путешествия... Обехать всю Италию, Сицилию с каким-нибудь человеком, преданным искусству» (там же). — P. P.

высказывал свое мнение насчет правительства, полиции, аристократии, даже находясь в общественных местах»⁸¹. Полиция знала это, но терпела его нападки и насмешки как безобидные чудачества мечтателя и не трогала человека, изумлявшего весь мир своим гением⁸².

Итак, никакая сила не могла сломить этот неукротимый дух, дух, который, казалось, насмеялся даже над страданиями. Музыка, написанная в эти последние годы, невзирая на мучительнейшие обстоятельства⁸³, в которых она создавалась, приобретает совершенно новый оттенок иронии, в ней звучит какое-то героическое и ликующее высокомерие. За четыре месяца до смерти, в ноябре 1826 г., он оканчивает последнюю свою вещь — новый *финал* для квартета, ор. 130, очень веселый. Но, правду сказать, это веселье — веселье необычное. То это смех, отрывистый и желчный, — о нем вспоминает Мошелес, — то это волнующая душу улыбка, в которой столько побежденного страдания! Но что бы то ни было — он победитель. Он не верит в смерть. А она меж тем приближалась. В конце ноября 1826 г. он простудился и заболел плевритом. Он слег, вернувшись в Вену из путешествия, предпринятого в зимнюю пору ради устройства дел своего пле-

⁸¹ В «Разговорных тетрадах» можно прочесть следующие замечательные фразы (1819 г.): «Европейская политика вступила на такой путь, что теперь ничего нельзя сделать без денег и без банков». «Знать, правящая страной, ничему не научилась и ничего не забыла». «Через пятьдесят лет всюду будут республики». — *Р. Р.*

⁸² В 1819 г. он чуть было не подвергся полицейскому преследованию за сказанную во всеуслышание фразу о том, что «в конце концов Христос был всего-навсего распятый еврей».

В это самое время он сочинял Мессу в ре. Этого вполне достаточно, чтобы понять все своеобразие его религиозных вдохновений. В политике он чувствовал себя не менее свободно и смело избоблял пороки правительства. Бетховен ставил ему в упрек, между прочим, дурную организацию судопроизводства, допускающего произвол и подострастие, осложненного бесконечными формальностями, а также полицейские притеснения, бюрократию, коспию и нелепую, преследующую всякую личную инициативу и сковывающую любую деятельность; привилегии выродившейся аристократии, цепко захватывающей самые высшие государственные посты; бессилие самодержца содействовать благополучию граждан. Политические симпатии Бетховена с 1815 г. были, по-видимому, на стороне Англии. Он с увлечением читал парламентские отчеты, рассказывает Шиндлер, и горячо сочувствовал английской оппозиции. Английский дирижер Поттер, приезжавший в Вену в 1817 г., рассказывал: «Бетховен осыпал бранью австрийское правительство. Он мечтал приехать в Лондон, чтобы увидеть палату общин. «У вас, англичан, — говорил он, — у вас есть голова на плечах». — *Р. Р.*

⁸³ Попытки племянника покончить с собой. — *Р. Р.*

мянника⁸⁴. Друзья его были далеко. Он попросил своего племянника привести доктора. Этот негодяй позабыл о поручении и спохватился только через два дня. Доктор явился слишком поздно, да и лечил Бетховена плохо. Три месяца его богатырский организм боролся с недугом. Но 3 января 1827 г. он составил завещание, сделав своего любимого племянника единственным наследником. Он вспомнил о своих дорогих друзьях на Рейне, даже написал Вегелеру: «...Как мне хотелось бы поговорить с тобой! Но я слишком слаб. Только и могу, что обнять и расцеловать тебя мысленно — в сердце моем — и тебя и твою Лорхен». Последние минуты его жизни были бы омрачены нуждой, если бы не щедрая помощь со стороны некоторых его друзей англичан. Он стал совсем кротким и терпеливым⁸⁵. Прикованный к смертному одру, после трех операций, в ожидании четвертой⁸⁶, 17 февраля 1827 г. он пишет с полным спокойствием духа: «Я набираюсь терпения и думаю: всякое несчастье приносит с собой и какое-то благо».

⁸⁴ См. статью д-ра Клоц-Форэ «Последняя болезнь и смерть Бетховена» в «Кроник медикаль» от 1 и 15 апреля 1906 г. Довольно точные сведения об этом содержатся и в «Разговорных тетрадах», где записаны вопросы доктора.

Болезнь проходит две стадии: 1) легочные явления, которые, по-видимому, прекратились через шесть дней. «На седьмой день он почувствовал себя так хорошо, что мог вставать, ходить, читать и писать»; 2) страдания желудочного характера, осложненные сосудистыми явлениями. «На восьмой день я нашел его ослабевшим, он весь пожелтел. Жесточкий приступ поноса, сопровождавшийся рвотой, чуть не убил его ночью». С этого момента началась водянка.

Этот рецидив вызван душевным потрясением, причина которого не вполне выяснена. «Бурная ярость, глубочайшее страдание, причиненное неблагодарностью, и незаслуженные оскорбления привели к этому взрыву, — говорит д-р Ваврух. — Он трясся в ознобе, угнетенный горем, разрывающим ему сердце».

Исходя из этих различных наблюдений, д-р Клоц-Форэ ставит такой диагноз: бурное воспаление легких, затем атрофический цирроз Ливека (болезнь печени) вместе с асцитом (водянка нижней части туловища) и отеком нижних конечностей. Он полагает, что этому способствовало злоупотребление спиртными напитками. Того же мнения держался и д-р Мальфатти: «Sedebat et bibebat» («Сидел и пил»). — *Р. Р.*

⁸⁵ В воспоминаниях певца Людвиг Крамолини есть потрясающий рассказ о посещении Бетховена во время последней его болезни. Бетховен был весь просветленный и полон самой трогательной доброты. — *Р. Р.*

⁸⁶ Операции были сделаны 20 декабря, 8 января, 2 февраля и 27 февраля. Несчастливого, на ложе смерти, заедали клопы (письмо Герхарда фон Брэннинга). — *Р. Р.*

Этим благом было избавление, «конец комедии», как сказал он, умирая, а мы скажем — трагедии его жизни.

Он умер во время грозы — страшной снежной бури — среди раскатов грома. Чужая рука закрыла ему глаза⁸⁷ (26 марта 1827 г.).

* * *

Дорогой Бетховен! Немало людей восхваляли его величие художника. Но он больше, чем первый из музыкантов. Он — самая героическая сила в современном искусстве. Он самый большой, самый лучший друг всех, кто страдает и кто борется. Когда мы скорбим над несчастьями нашего мира, он приходит к нам, как он приходил когда-то к несчастной матери, потерявшей сына, садился за фортепиано и без слов утешал ее, плачущую, песней, смягчавшей боль. И когда нас охватывает усталость в нашей непрерывной, часто бесплодной борьбе против слишком мелких добродетелей и столь же мелких пороков, — какое несказанное благо окунуться в этот животворный океан воли и веры! Он заражает нас доблестью, тем счастьем борьбы⁸⁸, тем упоением, которое дается сознанием, что жив в тебе бог. Кажется, что в своем ежедневном, постоянном общении с природой⁸⁹ он как бы впитал в себя ее сокровенные силы. Грильпарцер, который поклонялся Бетховену с каким-то благоговейным страхом,

⁸⁷ Юный музыкант Ансельм Гютенбреннер.

«Слава богу! — пишет Брэннинг. Возблагодарим его, что он положил конец этому длительному и ужасному мученичеству».

Все рукописи, книги и обстановка Бетховена были проданы с аукциона за 1575 флоринов. Список заключал в себе 252 рукописи и книги, относящиеся к музыке, которые в общем были оценены в сумму, не превышающую 982 флорина 37 крейцеров. Его «Разговорные тетради» и «Дневник» были проданы за 1 флорин 20 крейцеров. Между прочими книгами у Бетховена были: Кант. «Естествоведение с теорией неба», Боде, «Введение в изучение звездного неба», Фомма Кемпийский и Й., «Подражание Христу». Цензура наложила руку на книги Зейме, Коцебу и Фесслера. — Р.Р.

⁸⁸ «Я всегда частлив, когда мне удается преодолеть какую-либо трудность» (письмо к бессмертной возлюбленной). «Я хотел бы прожить тысячу жизней... Я не создан для спокойной жизни» (Вегелеру, 16 ноября 1801 г.). — Р.Р.

⁸⁹ «Бетховен преподавал мне науку природы и помогал мне в ее изучении, как помогал и в музыке. Его восхищали не законы природы, но ее изначальное могущество» (Шиндлер). — Р.Р.

говорит о нем: «Он достиг того опасного предела, где искусство сливается воедино со стихиями, дикими и своеправными». А Шуман пишет о симфонии до-минор: «Сколько ее ни слушаешь, она всякий раз неизменно потрясает своей могучей силой подобно тем явлениям природы, которые, сколь бы часто они ни повторялись, всегда наполняют нас чувством ужаса и изумления». Шиндлер, с которым Бетховен был наиболее открыт, писал: «Он овладел духом природы». И правда, Бетховен — это сила природы; и поистине грандиозное зрелище — эта битва стихийной силы со всей остальной природой.

Вся жизнь его похожа на грозовой день. Вначале юное, прозрачное утро. Еле уловимое дуновение истома. Но уже в недвижимом воздухе парит какая-то скрытая угроза, тяжкое предчувствие, и вдруг стремительно проносятся огромные тени, слышится грозный рокот, гулко замирающий в страшной, напряженной тишине, яростные порывы ветра «Героической симфонии» и симфонии до-минор. И все же ясность дня не померкла. Радость пребывает радостью; в скорби неизменно таится надежда. Но вот наступают десятые годы — душевное равновесие нарушено. Разливается зловещий свет. Мысли самые светлые обволакивает какая-то туманная дымка, она рассеивается, возникает вновь, омрачая сердце своей смятением и своевольной игрой; часто музыкальная мысль словно тонет в этом тумане, вынырнет раз, другой и вот уже исчезла совсем и только в финале вдруг вырвется наружу гневным шквалом. Даже веселость, и та приобретает язвительный, иступленный характер. Какой-то горячечный бред, какая-то отравляющая примесь ко всем чувствам⁹⁰. Гроза надвигается по мере того, как близится вечер. И вот уже тяжелые тучи, изборожденные молниями, черные, как ночь, набухшие бурями, — начало Девятой. Внезапно в самый разгар урагана мрак разрывается, ночь сметена с небосвода — и ясный день возвращен к нам его волей...

Какое завоевание может сравниться с этим? Какая битва Бонапарта, какое солнце Аустерлица могут поспорить в славе с этим сверхчеловеческим трудом, с этой победой, самой сияющей из всех, которую когда-либо одерживал

⁹⁰ «О! до чего же хороша жизнь, но моя навеки отравлена!» (vergiftet) (письмо от 2 мая 1810 г. Вегелеру). — Р.Р.

дух? Страдалец, нищий, немощный, одинокий, живое воплощение горя, он, которому мир отказывает в радостях, сам творит Радость, дабы подарить ее миру. Он кует ее из своего страдания, как сказал он сам этими гордыми словами, которые передают суть его жизни и являются девизом каждой героической души:

Радость через Страданье.
Durch Leiden Freude⁹¹.

1903 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. ГЕЙЛИГЕНШТАДСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

БРАТЬЯМ МОИМ, КАРЛУ И (ИОГАННУ) БЕТХОВЕНАМ

О люди! вы, которые меня ославили и сами считаете меня озлобленным, сумасшедшим или человеконенавистником, о, как вы несправедливы! Вы не знаете той скрытой причины, по которой я кажусь вам таким. И сердцем и умом я с детства был склонен к нежным и добрым чувствам, я даже всегда ощущал в себе готовность совершать великие дела. Но подумайте только — вот уже шесть лет я пребываю в таком ужасном состоянии, а несведущие лекари еще ухудшают его, обманывая меня из года в год надеждой на улучшение, и, наконец, теперь я вынужден примириться с тем, что это *болезнь длительная*, на излечение коей, быть может, понадобятся годы, а возможно и вовсе неизлечимая. По природе пылкий и деятельный, даже не чуждый светских развлечений, я еще почти юношей вынужден был откаться от людского общества и вести одинокую жизнь. Если иной раз я и пытался преодолеть это, каким жестоким испытанием было для меня всякий раз новое подтверждение моего увечья. И ведь мне невозможно было сказать людям: «Говорите со мной громче, кричите, потому что я глухой!» Как я мог открыться, что у меня поражен орган чувства, который у меня должен быть более совершенным, нежели у других; а ведь когда-то я поистине отличался таким исключительным совершенством слуха, каким обладают немногие из моих собратьев. Ах нет! Этого я был не в состоянии сделать. Простите же меня за то, что я вынужден сторониться всех, меж тем как мне хотелось бы быть среди вас. Мое несчастье для меня тем

⁹¹ К графине Эрдеди, 10 октября 1815 г. — P.P.

мучительнее, что я из-за него остаюсь непризнанным. Мне не дано находить отдохновение в обществе людей, в тонкой беседе, во взаимной откровенности. Один, совершенно один! Я не решаюсь появляться на людях, пока меня не выпуждает к тому крайняя необходимость. Я должен жить, как отверженный. Едва только я попадаю в какое-нибудь общество, как меня охватывает чувство мучительного страха, я боюсь себя выдать, боюсь, что люди заметят мое несчастье.

Вот из-за чего эти последние полгода я жил в деревне. Мой ученый доктор предписал мне беречь слух, сколько это возможно. Он предупредил мои собственные намерения. И все же не раз, когда меня охватывала жажда общения с людьми, я поддавался этому чувству. Но какое унижение, если случалось, что кто-нибудь рядом со мной слышит издали флейту, а я *ничего не слышу*, или он *слышит, как поет пастух*, а я опять-таки ничего не слышу⁹². Такие испытания доводили меня чуть не до отчаяния; я был недалек от того, чтобы наложить на себя руки. — *Искусство!* Только оно одно и удержало меня. Мне казалось невыносимым покинуть этот мир прежде, чем я не выполню того, к чему я чувствовал себя призванным. Итак, я продолжал влечить свою несчастную жизнь, поистине несчастную, ибо организм мой до такой степени чувствителен, что малейший пустяк может повлиять на меня и мое состояние из прекрасного сразу переходит в самое скверное. — *Терпение!* — так говорят мне. Вот что мне должно выбрать себе в наставники. Я это и делаю. Надеюсь, что стойкость моя не ослабнет до тех пор, пока неутомимые Парки не пожелают прервать нить моей жизни. Быть может, мне станет лучше, а может быть, и нет: я готов к этому. В двадцать восемь лет я уже превратился в философа, что не так-то легко, а для художника еще труднее, чем для всякого другого.

⁹² По поводу этой горестной жалобы мне хочется привести одно наблюдение, которое, как мне кажется, никогда еще не было высказано. Известно, что в конце второго отрывка «Пасторальной симфонии» в оркестре слышится пение соловья, голос кукушки и перепела. Да и вообще вся симфония пропизапа пением и звуками природы. Эстеты много рассуждали по поводу того, должно ли одобрить эти попытки подражательной музыки. И ни одному из них не пришло в голову, что Бетховен ничему не подражал, ибо он ничего не слышал: он воссоздавал внутри себя тот мир, который уже перестал для него существовать. И потому так трогает этот живой гомоптиц, что он мог слышать их только внутри себя. — Р. Р.

Божественный промысел! ты проникаешь в глубь моего сердца, ты знаешь его, ты видишь, что оно полно любви к людям и желанно делать добро. О люди! если вы когда-нибудь прочтете это, подумайте, как вы были несправедливы ко мне — и пусть страдалец утешится, видя такого же страдальца, как он сам, который, вопреки всем преградам, воздвигнутым самой природой, сделал все, что было в его силах, дабы удостоиться звания художника и войти в число избранных.

Вы, братья мои, Карл и (Иоганн), сейчас же после моей смерти, если только профессор Шмидт будет еще жив, попросите его от моего имени, чтобы он описал мою болезнь, и приложите к истории моей болезни это письмо — затем, чтобы после моей смерти, люди, сколь возможно, примирились со мной. В то же время я объявляю вас обоих наследниками моего маленького состояния, если можно его так назвать. Разделите его между собой по хорошему, живите в согласии и помогайте друг другу. То что вы мне сделали дурного, вы знаете, я вам это давно уже простил. Тебя, брат Карл, я благодарю особо за преданность, с какою ты относился ко мне последнее время. Желаю вам жизни более счастливой, более свободной от забот, чем моя. Растите детей ваших в *добродетели*: только она одна и может дать счастье, а совсем не деньги. Говорю это по личному опыту. Она одна поддерживала меня в несчастье, только ей да искусству моему я обязан тем, что не кончил жизнь самоубийством. Прощайте! Любите друг друга! Благодарю всех моих друзей, в особенности князя Лихновски и профессора Шмидта. Мне желательно, чтобы музыкальные инструменты князя Лихновски сохранились у кого-нибудь из вас. Но только чтобы это не повело ни к каким раздорам между вами. А коли будет нужда и они смогут вас выручить, продайте их. Как счастлив я буду, если окажусь вам полезным, даже и в могиле.

Если бы оно так было, я с радостью поспешил бы на встречу своей смерти. Если же она придет раньше, чем мне представится возможность раскрыть все мои дарования, то, невзирая на мой жестокий рок, я хотел бы отодвинуть безвременный конец. Но даже и так — все равно я буду доволен. Разве не явится смерть для меня освобождением от бесконечных страданий? Приди, когда хочешь! Я встречу тебя мужественно. Прощайте! и не забывайте меня совсем после моей кончины. Я заслуживаю того, чтобы вы думали обо мне, потому что я при

жизни часто думал о вас и старался, чтобы вы были счастливы. Будьте же счастливы!

Людвиг ван Бетховен.

Гейлигенштадт, 6 октября 1802 года

БРАТЬЯМ МОИМ, КАРЛУ И (ИОАННУ) — ПРОЧЕСТЬ
И ИСПОЛНИТЬ ПОСЛЕ МОЕЙ СМЕРТИ

Гейлигенштадт, 10 октября 1802 года. — Итак, я расстаюсь с тобой — и, конечно, мне это горько. Да, сладостная надежда, — которая меня ободряла, надежда на исцеление, хотя бы в малой степени, — пыне она должна покинуть меня. Как осенние листья падают и увядают, так и она теперь поблекла для меня. Едва только успел я вступить в жизнь — и вот уже ухожу. — Даже то высокое мужество, которое так часто поддерживало меня в прекрасные летние дни, и оно исчезло. О провидение! пошли мне хоть раз в жизни один-единственный чистый день радости. Уже так давно не звучал в душе моей голос истинной радости. О, когда же, когда, божественное провидение, мне снова будет дано почувствовать ее в храме природы и человечества! Ужели никогда? Нет! Это было бы слишком жестоко!

II. ПИСЬМА

ПИСЬМО ПАСТОРУ АМЕНДА В КУРЛЯНДИЮ⁹³

Мой дорогой, мой добрый Аменда! мой самый сердечный друг! С глубоким волнением, с чувством боли и радости получил я и прочел твое последнее письмо. С чем мог бы я сравнить твою преданность и твою привязанность ко мне! Как отрадно знать, что ты все так же неизменно меня любишь. Да, я знаю, ты для меня самый верный, самый испытанный друг. Не то что эти венские друзья, нет, ты один из тех друзей, каких растит земля моей отчизны. Как часто мечтаю я, чтобы ты был рядом со мной, потому что твой Бетховен глубоко несчастен. Знай, что самая благородная часть меня, мой слух, сильно ослаб. Еще в то время, когда ты был со мной, я уже ощущал признаки этого, но не показывал виду. С тех пор, что ни дальше, мне становилось хуже и хуже. Можно ли это

⁹³ Написано, вероятно, в 1801 г. — *Р. Р.*

будет когда-нибудь излечить, пока сказать нельзя. Должно быть, это связано с моими желудочными недомоганиями. С этой стороны я уже почти что выздоровел, но что касается слуха — вылечусь ли я? Разумеется, я не теряю надежды, но до чего же это трудно, ведь болезни такого рода относятся к самым неизлечимым. Какую печальную жизнь я должен влечить, избегать всего, что мне мило, да еще когда живешь среди таких мерзких, себялюбивых людей. Могу сказать, что из всех здешних Лихновски для меня самый проверенный друг. С прошлого года я получил от него 600 флоринов. Эти деньги да еще успешная продажа моих сочинений позволяют мне сейчас жить, не думая о насущных нуждах. Все, что я теперь пишу, я сейчас же могу продать — хоть по пять раз каждую вещь — и за хорошие деньги. Я довольно много написал за последнее время; на днях узнал, что ты заказал клавиры у ***; я пошлю тебе через него прямо в той же упаковке несколько моих произведений, дабы тебе это обошлось не так дорого.

Теперь здесь, мне на утешение, появился один человек, с которым я могу наслаждаться беседой и бескорыстной дружбой. Это один из друзей моей юности⁹⁴. Я много рассказывал ему о тебе и сказал, что, с тех пор как я покинул родину, ты — один из дорогих избранников моего сердца. Ему, так же как и тебе, не нравится***⁹⁵, он был и остается человеком слишком мелким, для того чтобы быть другом. И я считаю его, как и***, просто инструментами, на которых я играю, когда мне вздумается. Но им не быть ни благородными свидетелями моей деятельности, ни настоящими спутниками моей жизни. Я ценю их только за те непосредственные услуги, которые они могут оказать мне. Ах, как я был бы счастлив, если бы я владел полностью слухом! тогда я тотчас же примчался бы к тебе. Но я должен оставаться в стороне от всего. Лучшие мои годы протекнут, а я так и не смогу выполнить того, к чему обязывают меня мое дарование и мои силы. Грустная покорность судьбе — вот мое прибежище! Конечно, я обещал себе быть выше всех этих бедствий, но как это возможно? Да, Аменда, если через полгода моя болезнь не пройдет, настоятельно прошу тебя бросить все и при-

⁹⁴ Стефан Брёнинг. — *Р. Р.*

⁹⁵ Н. Змескаль, чиновник придворной канцелярии, любитель-музыкант. — *Р. Р.*

ехать ко мне; я тогда поеду путешествовать. (Мое исполнение и композиторство еще очень мало страдают от моего недуга, только на людях я ощущаю его особенно сильно.) Ты будешь моим спутником; я убежден, что мне еще выпадет счастье, ведь мне теперь не страшно помериться ни с чем! С тех пор как ты уехал, я писал все на свете, вплоть до опер и церковной музыки. Да, ты не откажешь мне, ты поможешь своему другу нести бремя болезни и забот. Я сделал большие успехи как пианист и надеюсь, что тебе доставит удовольствие наше путешествие. Потом ты останешься со мной навсегда. Все твои письма я получил. Хотя я не на все отвечал, ты всегда был со мною, и сердце мое полезно неизменной любви к тебе. То, что я рассказал тебе о моем слухе, прошу тебя хранить в строжайшей тайне и не открывать никому, кто бы это ни был. Пиши мне как можно чаще. Твои письма, даже и совсем коротенькие, утешают меня и помогают мне. Жду от тебя нового письма, дорогой мой! Квартета⁹⁶ я тебе еще не послал, потому что я его с начала до конца переделал после того, как научился писать квартеты, как подобает, — ты в этом и сам убедишься, когда получишь. А теперь прощай, мой дорогой, мой хороший! Если я могу сделать для тебя что-нибудь приятное, ты непременно должен сказать об этом твоему верному, искренне любящему другу

Людвигу ван Бетховену.

ДОКТОРУ ФРАНЦУ ГЕРХАРДУ ВЕГЕЛЕРУ

Вена, 29 июня (1801 года)

Мой дорогой, добрый Вегелер! Как я благодарен тебе за память. Я так мало заслужил ее, так мало старался заслужить! А ты такой добрый, тебя ничто не расхолаживает, даже мое непростительное небрежение. Ты все тот же — верный, преданный, добрый друг. Разве возможно для меня забыть тебя, забыть всех вас, таких для меня дорогих, бесценных — нет, не думай этого! Бывают минуты, когда я тоскую о вас, и так хотелось бы побыть хоть немного с вами. Моя родина, прекрасная моя страна, где я увидел свет, стоит у меня перед глазами все так же ярко и явственно, как в тот день, когда я вас покинул.

⁹⁶ Ор. 18, № 1.— P. P.

Счастливейшей минутой моей жизни будет та, когда я снова увижу всех вас и поклонюсь нашему отцу — Рейну. Когда это будет? Еще не могу сказать с точностью. Но во всяком случае могу сказать вам, что вы увидите меня возмужалым: я говорю не только о художнике, но и о человеке, который покажется вам лучше, ибо он стал более зрелым. И если теперь в нашей стране хоть чего-нибудь можно добиться, мое искусство должно и будет служить облегчению участи бедняков.

Ты хочешь узнать что-нибудь о моем житье-бытье. Ну, что ж, мне живется не так уж плохо. С прошлого года Лихновски, который (как ни странно тебе это слышать даже из моих собственных уст!) всегда был и остается моим самым искренним и надежным другом (были между нами маленькие недоразумения, но они в конце концов только скрепили нашу дружбу), — так вот Лихновски назначил мне пенсию в 600 флоринов, и я буду ее получать, пока не найду себе подходящего места. Мои сочинения приносят мне много денег, а я даже могу похвастаться, что заказов у меня больше, чем я могу выполнить. На каждую вещь находится шесть-семь издателей и даже больше, стоит мне только захотеть. Со мной уже больше не спорят: я назначаю цену, и мне ее платят. Видишь, как замечательно! Представь себе, например, что кто-нибудь из моих друзей оказался в затруднительном положении, а мой кошелек не позволяет мне прийти к нему на помощь; так вот — стоит мне только сесть за работу, и я очень скоро смогу теперь его выручить. При этом я стал еще бережливее, чем раньше...

К несчастью, завистливый демон, под коим я разумею мое скверное здоровье, стоит у меня поперек дороги. Вот уже три года, как мой слух постепенно слабеет! Вероятно, это вызвано желудочной болезнью, от которой, как ты знаешь, я когда-то сильно страдал, а со временем она еще ухудшилась, — у меня постоянные поносы и после этого ужаснейшая слабость. Франк решил подкрепить меня разными средствами, а для ушей прописал миндальное масло, но — Prosit!⁹⁷ — из этого ровно ничего не получилось: слух мой все ухудшался, а желудок оставался в том же положении. Так оно продолжалось вплоть до осени прошлого года; я не раз приходил в полное отчаяние. Какой-то осел-лекарь прописал мне холодные ванны, дру-

⁹⁷ Да пойдет это на пользу! (лат.) — Прим. ред.

гой, более сведущий, — теплые ванны из дунайской речной воды; это оказало чудотворное действие, — с желудком дело улучшилось; но со слухом не стало лучше, а, пожалуй, даже еще хуже. Всю эту зиму я был в ужасном состоянии, у меня начались страшные колики, и все пошло насмарку. Так я мучился до прошлого месяца, пока не собрался пойти к Верингу; я решил, что моя болезнь такова, что мне скорей всего может помочь хирург; впрочем, я и раньше всегда ему доверял. Ему сразу удалось почти совершенно прекратить мои мучительные поносы: он прописал мне теплые ванны из дунайской воды, в которую велел прибавлять флакон какого-то укрепляющего раствора. Он не назначил мне никаких лекарств, и вот только четыре дня назад дал мне желудочные пилюли и какую-то жидкость для ушей. Я чувствую себя крепче и бодрее, только в ушах у меня шумит и гудит днем и ночью. Могу тебе сказать, что я влачу печальное существование. Вот уже два года, как я тщательно избегаю всякого общества — потому что не могу же я сказать людям: «Я глухой!» Это было бы еще возможно, будь у меня какая-нибудь другая профессия, но при моем ремесле ничего не может быть ужаснее. Как обрадовались бы мои враги! А ведь их у меня немало.

Чтобы дать тебе представление об этой моей странной глухоте, я тебе скажу, что, когда я бываю в театре, мне приходится садиться у самого оркестра, чтобы разбирать слова актеров. А как только сяду подальше, уже не улавливаю высокие тона инструментов и голосов. Просто удивительно, что в разговоре многие люди вовсе не замечают этого. Так как я часто бываю рассеянным, всё приписывают этой моей странности. Когда говорят тихо, я еле слышу, — слышу звуки, но не слова. Но когда кричат, это для меня совершенно невыносимо. Что только со мной будет дальше — бог знает. Веринг говорит, что если это и не пройдет совсем, то все же непременно будет улучшение. Я столько раз проклинал свое существование и творца. Плутарх научил меня покоряться судьбе. Но я не желаю сдаваться и не сдамся, если это возможно, хотя бывают минуты, когда я чувствую себя самым несчастным из всех творений божьих! Я умоляю тебя не говорить ничего о моем состоянии никому, даже Лорхен; я тебе открылся под величайшим секретом. Ты бы мне удружил, написав по этому поводу Верингу. Если это состояние длительное, я бы с наступлением весны приехал к тебе, ты снимешь для меня домик в каком-нибудь живописном месте, и я

на целых полгода превращусь в сельского жителя. Быть может, мне это пойдет на пользу. Покорность судьбе! Какое жалкое прибежище! Но только это одно мне и остается. Ты мне прости, что в дополнение ко всем твоим собственным неприятностям я обременяю тебя еще этой дружеской заботой.

Стефан Брёнинг сейчас здесь, и мы почти все время вместе. Для меня это такая отрада, оживают прежние чувства. Он поистине достойный и прекрасный молодой человек, не лишен знаний и сердце у него доброе (как более или менее у всех нас)...

Я собираюсь написать также милой Лорхен. Милые вы мои, добрые, если даже я и не подавал никаких признаков жизни, я никогда не забывал никого из вас; но ты знаешь, я не охотник писать; лучшие мои друзья годами не получали от меня ни одного письма. Я живу только среди своих нот; едва закончу одно сочинение, как уже начинаю другое. Сейчас я работаю так, что нередко пишу три-четыре вещи за раз. Пиши мне почаще; я постараюсь найти время отвечать тебе. Кланяйся от меня всем...

До свидания, мой добрый, верный Вегслер. Не сомневайся в привязанности и дружбе

твоего Бетховена.

ВЕГЕЛЕРУ

Вена, 16 ноября 1801 года

Мой добрый Вегслер, благодарю тебя за новое доказательство твоей заботливости, тем более что я так мало ее заслужил. Ты хочешь знать, как я себя чувствую и не нуждаюсь ли я в чем-нибудь. Хотя мне и не очень приятно говорить на эту тему, все же с тобой я делаю это охотней, чем с кем-либо другим.

Вот уже несколько месяцев Веринг накладывает мне нарывные пластыри на обе руки... Это очень неприятное лечение, после которого я всякий раз на день, на два лишаюсь способности двигать руками, не говоря уже о болях. Правда, надо сказать, что шум у меня в ушах немножко поубавился, гудит не так сильно, как прежде, особенно в левом ухе, с которого и началась моя глухота; но слух мой по сей день несколько не улучшился; боюсь, не стало ли с ним еще хуже. С животом теперь полегче; в осо-

бенности если я несколько дней подряд принимаю теплые ванны,— после этого дней восемь-десять я чувствую себя вполне сносно. Изредка принимаю что-нибудь крепительное; начал по твоему совету ставить на живот припарки из трав. О душах Веринг и слышать не хочет. Вообще говоря, я им не очень доволен. Он чересчур небрежен и недостаточно внимателен для такого рода болезни. Если бы я сам к нему не пошел,— а ходить мне к нему очень трудно,— он обо мне и не вспомнил бы. Какого ты мнения о Шмидте? Я не люблю менять врачей, но мне кажется, что Веринг, главным образом, практик и недостаточно обновляет свои знания чтением. Шмидт в этом отношении представляется мне совсем другим человеком и, может быть, отнесся бы к моей болезни не столь небрежно. Рассказывают всякие чудеса о гальванизме. Что ты об этом скажешь? Один доктор рассказывал мне, что он видел глухонемого ребенка, которому вернули слух, и еще одного человека, который семь лет был глухим и вылечился. А я как раз слышал, что твой Шмидт занимается такими опытами.

Мне сейчас слова живется немножко повеселей; я больше общаюсь с людьми. Ты не можешь себе представить, какую одинокую и тоскливую жизнь вел я последние два года. Мой недуг всюду стоял передо мной, словно призрак, я избегал людей и, наверно, всем казался человеком ненавистником, а ведь это так непохоже на меня. Перемену, которая совершилась со мной, произвела милая, прелестная девушка: она любит меня, и я ее люблю. И вот после двух лет — снова несколько счастливых минут. Первый раз в жизни я чувствую, что брак может принести счастье. К сожалению, мы с ней принадлежим к разным кругам. И сейчас, сказать по правде, я бы не мог жениться: мне надо еще как следует побороться. Если бы не мой слух, я бы уж давно объехал полсвета. И я должен это сделать. Для меня нет большего счастья, как заниматься моим искусством и показывать его людям. Не думай, что я чувствовал бы себя счастливым у вас. Кто теперь мог бы сделать меня счастливым? Даже ваша заботливость была бы мне в тягость, каждую минуту я ловил бы страдание на ваших лицах и чувствовал бы себя еще более несчастным. Чудесные места моей родины! Что меня привлекало к ним? Надежда добиться лучшего положения; и я этого достиг бы, если бы не моя болезнь. Ах, если бы я освободился от нее! Я бы весь мир заключил в объятия! Молодость моя, я это ясно ощущаю, только что

пачалась. Ведь у меня всегда было слабое здоровье! С некоторых пор мои физические силы наряду с духовными растут, как никогда. С каждым днем я все ближе и ближе к цели, я уже нащупываю ее, хотя еще и не могу определить. Только в таких мыслях твой Бетховен и может жить. Мне не надо никакого отдыха! Единственный для меня отдых — сон. И я чувствую себя просто несчастным, что должен теперь уделять ему больше времени, чем прежде. Если бы мне только — хоть наполовину! — освободиться от моего недуга! Вот тогда полноценным, возродившимся человеком я примчался бы к вам, и мы скрепили бы наши прежние дружеские узы.

Вы должны видеть меня счастливым, таким, каким мне положено быть в этой жизни, а не несчастным, нет! Это для меня невыносимо! Я схвачу свою судьбу за глотку! Ей не удастся сломить меня. Ах, как прекрасно было бы прожить тысячу жизней! Что же до спокойного существования — нет, я чувствую, что я для него не создан.

Тысячу добрых пожеланий Лорхен.

Ты ведь меня немножко любишь, не правда ли? Так не сомневайся же в моей привязанности и дружбе.

Твой Бетховен.

ПИСЬМО ВЕГЕЛЕРА И ЭЛЕОНОРЫ БРЕНИНГ БЕТХОВЕНУ

Кобленц, 28 декабря 1825 года

Дорогой, старый друг Людвиг!

Не могу отпустить в Вену одно из десяти чад Риса, не напомнив тебе о нас. Если за те двадцать восемь лет, что ты уехал из Вены, ты не получал от нас длинных писем по меньшей мере хоть раз в два месяца, виной тому твое собственное молчание, — ведь ты не ответил на первые письма, которые я тебе послал. Это нехорошо, а в особенности в наши годы. Потому что мы уже старики, и нам приятно окунуться в прошлое, и мы больше всего находим отраду в воспоминаниях молодости. Для меня во всяком случае знакомство и тесная дружба с тобой, благодаря твоей доброй матушке, упокой господи ее душу, — это

такое светлое время моей жизни, что я всегда вспоминаю о нем с радостью. Я гляжу на тебя как на героя и с гордостью думаю: «А ведь и я тоже оказал хоть малое влияние на его развитие, он доверял мне свои мечты, свои надежды. И хотя потом его так часто не понимали, я-то хорошо знал, к чему он стремится». Слава богу, что я имею возможность беседовать о тебе с женой, да теперь уж и с детьми. Дом моей тещи был для тебя родным домом больше, чем твой собственный дом, в особенности после кончины твоей доброй матушки. Скажи нам, как бывало прежде: «Да, я думаю о вас, вы со мной и в радости и в горе». Человек, даже и когда он так возвысился, как ты, бывает поистине счастлив только раз в жизни: в юности. И твои мысли, должно быть, не раз устремлялись с радостью к каменным стенам Бонна, к Крейцбергу, Годесбергу и другим окрестностям.

А теперь я хочу тебе рассказать о себе и о нас, чтобы дать тебе пример того, каким должен быть твой ответ.

После моего возвращения из Вены в 1796 году дела мои шли неважно. В течение нескольких лет мне приходилось существовать лишь на то, что я получал за свои врачебные консультации; так я провел несколько лет в этой несчастной стране, пока мне не удалось добиться хотя бы самого необходимого. Потом я стал профессором на постоянном жалованье, и в 1802 году я женился. Год спустя у нас родилась дочка, которая и посейчас здравствует и теперь уже совсем большая; она обладает наряду с очень здравым умом — простосердечием своего отца и чудесно исполняет сонаты Бетховена. Впрочем, это не ее заслуга, — а врожденный дар. В 1807 году у нас родился мальчик, сейчас он учится на медицинском факультете в Берлине. Через четыре года я отправлю его в Вену. Будешь ли ты заботиться о нем? В августе я отпраздновал свое шестидесятилетие, у нас собралось шестьдесят человек друзей и знакомых, и среди них первые люди в городе. Живу я здесь с 1807 года, у меня теперь прекрасный дом и хорошее место. Начальство довольно мной, а король наградил меня орденами и медалями. Лора и я чувствуем себя хорошо. Итак, ты имеешь полное представление о нашей жизни, теперь твоя очередь!

Неужели ты никогда не оторвешь глаз от башни собора св. Стефана? Разве путешествия утратили для тебя всякую прелесть? Разве тебе никогда больше не хочется снова

увидеть Рейн? Госпожа Лора шлет самые сердечные пожелания, равно как и я.

Твой старый друг Вегелер.

Кобленц, 29 декабря 1825 года

Милый Бетховен! милый с таких давних пор! Это я высказала желание, чтобы Вегелер написал Вам еще раз. Теперь, когда это желание исполнено, мне хочется и самой прибавить два слова, — не только для того, чтобы напомнить Вам о себе, но чтобы еще раз хорошенько спросить Вас: неужели Вам совсем не хочется снова увидеть Рейн и места, где Вы родились, и доставить Вегелеру и мне самую большую радость? Наша Ленхен благодарит Вас за множество счастливых часов: ей доставляет такое удовольствие слушать, когда рассказывают о Вас, она знает до мельчайших подробностей все события нашей счастливой жизни в Бонне, наши размовки и примирения. Как она была бы рада увидеть Вас! У малютки, к сожалению, нет никаких способностей к музыке. Но она так старалась, училась с таким прилежанием и настойчивостью, что может играть Ваши сонаты, вариации и прочее, а так как музыка по-прежнему лучший отдых для Вегелера, наша Ленхен доставляет ему много приятных часов. У Юлиуса есть музыкальные способности, но до сих пор он совершенно пренебрегал ими. Теперь, вот уже полгода, он с очень большой охотой учится играть на виолончели, и так как в Берлине у него хороший учитель, я думаю, что он может еще преуспеть. Дети у нас оба рослые и похожи на отца, у обоих такой же добрый и веселый нрав, как и у Вегелера, который его, слава богу, еще не совсем утратил... Он с большим удовольствием играет темы Ваших вариаций, ему больше нравятся старые, но он часто с необычайным терпением разучивает и какую-нибудь из новых. Ваша *Opferlied*⁹⁸ для него выше всего. Как только Вегелер приходит к себе в комнату, он сейчас же садится за фортепиано. Итак, дорогой Бетховен, Вы можете видеть, что мы всегда помним Вас и будем помнить. Скажите же нам, что это Вам безразлично и что Вы нас не совсем забыли.

Если бы обычно не было так трудно выполнять свои желания, мы бы уж давно навестили нашего брата в Вене

⁹⁸ Жертвенная песнь (нем.). — Прим. ред.

и доставили бы себе радость увидеться с Вами, но теперь, когда сын наш в Берлине, о таком путешествии не приходится и думать. Вегелер Вам писал, как мы живем. Жаловаться грех! Даже и самые трудные времена были для нас легче, чем для сотен других людей. Самое большое счастье — то, что мы здоровы и что у нас хорошие, добрые дети. До сих пор они не доставляли нам никаких неприятностей, наши веселые славные ребятки. У Ленхен было только одно большое огорчение — это когда скончался наш добрый буршейд — утрата, которая для всех нас навсегда останется памятной. До свиданья, дорогой Бетховен, вспоминайте о нас со всей Вашей сердечной добротой.

Элеонора Вегелер

БЕТХОВЕН — ВЕГЕЛЕРУ

Вена, 7 октября 1826 года⁹⁹

Мой возлюбленный старый друг!

Не могу выразить, какое удовольствие доставило мне твое письмо и письмо твоей Лорхен. Разумеется, я должен был бы ответить тебе сразу, но я человек несколько беспорядочный, особенно по части писем, ибо я думаю, что хорошие люди и без того меня знают. Мысленно я нередко сочиняю ответ, а как только сажусь писать, тут же отбрасываю перо, потому что не в состоянии передать того, что чувствую. Я помню, с какой любовью ты всегда относился ко мне, помню, например, какой приятный сюрприз ты устроил мне, распорядившись побелить мою комнату. Вспоминаю также семью Бренингов. Так уж оно ведется, что людям приходится расставаться, — каждому должно стремиться к той цели, которую он себе поставил, и стараться ее достигнуть. Одни только вечно нерушимые заветы добра связывают нас навсегда прочными узами. К сожалению, я не в силах сейчас написать тебе все, что мне хотелось бы, ибо я прикован к постели.

Я до сих пор берегу силуэт твоей Лорхен — говорю

⁹⁹ Заметим, что в те времена друзья, даже когда они очень горячо любили друг друга, не отличались той нетерпеливостью чувств, которая свойственна нам. Бетховен отвечает Вегелеру на его письмо спустя десять месяцев. — *P. P.*

об этом, чтобы ты понял, как все, что мне было мило и дорого в молодости, осталось для меня драгоценным и поныне.

...Я по-прежнему следую правилу — *Nulla dies sine livea*¹⁰⁰, но сейчас я предоставляю моей музе спать. Пусть она проснется полная сил. Я надеюсь еще выпустить и свет несколько больших произведений, а потом — стариком с младенческой душой — завершить как-нибудь мой земной путь в кругу добрых людей¹⁰¹.

Могу сообщить тебе — я знаю, тебе будет это приятно узнать, — на мою долю выпала еще одна почесть: я получил от покойного французского короля медаль с надписью: «Даровано королем господину Бетховену». Она была препровождена мне с необыкновенно любезным письмом от первого придворного короля, герцога де Шатра¹⁰². Дорогой друг мой, на сегодня удовольствуйся этим. Воспоминания о прошлом нахлынули на меня, и я пишу тебе это письмо, заливаясь слезами. Это только начало, скоро я напишу тебе еще, и чем чаще ты будешь мне писать, тем больше мне будет радости.

При нашей с тобой дружбе можно в этом не сомневаться. До свиданья. Прошу тебя нежно расцеловать от меня твою дорогую Лорхен и детей твоих. Вспоминай-те обо мне! Да благословит вас бог.

Всегда верный и истинный друг твой, уважающий тебя

Бетховен.

ВЕГЕЛЕРУ

Вена, 17 февраля 1827 года

Мой добрый и достойный друг!

С великой радостью я получил через Бренинга твое второе письмо. Я еще слишком слаб, чтобы ответить на него, но будь уверен, что все, что ты пишешь, радует меня и утешает. Что касается моего выздоровления, если это можно так назвать, то оно еще подвигается очень медленно.

¹⁰⁰ Ни одного дни без строчки (*лат.*). — *Прим. ред.*

¹⁰¹ Бетховен не подозревал, что он в то время писал свое последнее сочинение: второй *финал* квартета, ор. 130. Он был у своего брата в Гнейксендорфе, около Кремса, на Дунае. — *P. P.*

¹⁰² В немецком тексте Duc d'Achât (?). — *P. P.*

но: боюсь, что мне вскоре предстоит четвертая операция, хотя доктора ничего об этом не говорят. Я набираюсь терпения и думаю: всякое несчастье приносит с собой и какое-то благо... Мне так много хотелось бы сказать тебе сегодня, но я слишком слаб, я могу только мысленно обнять тебя и твою Лорхен.

С чувством истинной дружбы и привязанности к тебе и ко всем вам — твой старый верный друг

Бетховен.

МОШЕЛЕСУ

Вена, 14 марта 1827 года

Мой милый, добрый Мошелес!

Двадцать седьмого февраля меня оперировали в четвертый раз, а сейчас уже обнаруживаются явные симптомы, что мне скоро предстоит пятая операция. Если так и дальше будет продолжаться, уж не знаю, что из всего этого и выйдет и чем это для меня кончится. Поистине жестокая мне выпала участь. Но я отдаюсь на волю судьбы и только молю бога, чтобы, пока я еще жив и терплю эту смертную муку, он своей божественной властью избавил меня от нужды¹⁰³. Это даст мне силы претерпеть мой жребий, как бы ни был он тяжел и жесток, с покорностью воле всевышнего.

Ваш друг Л. Бетховен.

¹⁰³ Бетховен, оставшись почти без средств, обратился к Филармоническому обществу в Лондоне и к Мошелесу, который в то время был в Англии, с просьбой устроить концерт в его пользу. Общество великодушно отозвалось и тотчас же выслало ему сто фунтов стерлингов в качестве задатка. Бетховен был растроган этим до глубины души. «Это было душераздирающее зрелище,— говорят один из его друзей,— когда он, получив письмо, сжал руки и зарыдал от радости и благодарности». От потрясения у него снова разошелся шов. Он хотел еще продиктовать благодарственное письмо «благородным англичанам, которые приняли участие в его печальной судьбе»; он обещал посвятить им одно из своих произведений, Десятую симфонию или увертюру, одним словом все, что они только пожелают. «Никогда, никогда еще,— говорил он,— ни за одну вещь я не брался с такой любовью, с какой возьмусь за эту». Письмо датировано 18 марта. Двадцать шестого марта Бетховен скончался.— *Р. Р.*

III. МЫСЛИ БЕТХОВЕНА

О МУЗЫКЕ

Нет правила, которого нельзя было бы преступить во имя Schöner (более прекрасного).

Музыка должна высекать огонь из души человеческой.

Музыка — это откровение более высокое, чем мудрость и философия.

Нет ничего более прекрасного, как приближаться к божественному и распространять лучи его на человечество.

Почему я пишу? То, что у меня на сердце, должно найти себе выход. Вот поэтому-то я и пишу.

Неужели вы думаете, что я помню о какой-то скрипке несчастной, когда со мной говорит дух и я пишу то, что он мне повелевает!

(Шуппанцигу)

Обычно, когда я пишу, даже инструментальную музыку, у меня перед глазами весь замысел в целом.

(Трейчке)

Писать без фортепиано необходимо. Мало-помалу рождается способность отчетливо представлять себе то, к чему мы стремимся, и то, что мы чувствуем, а это насущная потребность благородных душ.

(Эрцгерцогу Рудольфу)

Описывать — дело живописи, поэзия также может считать себя в этом отношении счастливой по сравнению с музыкой, ее область не так ограничена, как моя, но зато моя простирается гораздо дальше в иные сферы, и на мои владения не так-то легко посягнуть.

(Вильгельму Герхарду)

Свобода и прогресс — вот цель искусства, так же как и всей жизни. Если мы не так могучи, как стариинные

мастера, все же утонченность цивилизации расширила для нас многие возможности.

(Эрцгерцогу Рудольфу)

У меня нет привычки поправлять мои сочинения (уже законченные). Я этого никогда не делал, ибо глубоко убежден, что всякое частичное исправление искажает общий характер произведения.

(Томсону)

Истинная церковная музыка должна быть предназначена только для голосов, за исключением *Глории* или каких-либо других текстов в том же роде. Вот поэтому-то я и предпочитаю Палестрину; но подражать ему, не обладая ни его духом, ни его религиозными воззрениями, было бы полнейшей бессмыслицей.

(Органисту Фрейденбергу)

Когда у Вашего ученика по фортепианной игре прилично поставлены пальцы, когда он не сбивается с такта и правильно берет ноты, обратите все Ваше внимание на стиль игры, не останавливайте его на мелких ошибках, укажите ему на них только после того, как он сыграет всю пьесу. Такой метод создает *музыканта*, что в конце концов и является основной целью музыкального искусства... В пассажах (виртуозного характера) заставляйте его играть всеми пальцами по очереди... Разумеется, когда играешь не всеми пальцами, игра получается более отделанная или, как говорят, «нанизанная, точно жемчуг», но ведь иногда больше нравятся и другие драгоценности¹⁰⁴.

(Черни)

¹⁰⁴ Игра Бетховена-пианиста была не вполне правильной, и он часто употреблял не те пальцы, не обращал достаточного внимания на качество звука, во кто же в эти минуты думал о нем как о музыканте-исполнителе? Люди были поглощены его мыслями — тем, что выражали его руки, все равно как бы он это ни делал.

(Барон де Тремон, 1809) — Р. Р.

Среди старинных мастеров только немец Гендель да Себастьян Бах обладали истинным гением.

(Эрцгерцогу Рудольфу)

Всем сердцем моим привержен я высокому искусству Себастьяна Баха, этого прародителя гармонии (*dieses Ur-vaters der Harmonie*).

(Гофмейстеру, 1801)

Я всегда был одним из самых ревностных почитателей Моцарта и останусь им до последнего моего вдоха.

(Аббагу Штадлеру, 1826)

...Из всех произведений, написанных для театра, я больше всего ценю Ваши. Я прихожу в восхищение всякий раз, когда слушаю вещи, написанные Вами, они интересуют меня больше, чем мои собственные; словом, я почитаю и люблю Вас... *Вы всегда останетесь для меня одним из тех современников, к которым я отношусь с самым глубочайшим уважением. Если Вы пожелаете доставить мне величайшее удовольствие, напишите мне несколько строк, — это будет для меня большим утешением. Искусство объединяет всех, но сколь же более тесно объединяет оно подлинных художников! И, быть может, вы признаете меня достойным считать себя в их числе*¹⁰⁵.

(Керубини, 1823)

О КРИТИКЕ

Что касается меня как художника, никто не может сказать, что я когда-либо придавал значение тому, что обо мне писали.

(Шотту, 1825)

¹⁰⁵ Мы уже говорили выше, что Керубини не ответил на письмо Бетховена. — Р. Р.

Я разделяю мнение Вольтера, «что несколько мушинных укусов не могут задержать пылкий бег ретивого коня».

(Карлу Августу фон Клейну, 1826)

Что же до этих лейпцигских скотов, пусть себе болтают сколько угодно. Их болтовня никому не поможет стать бессмертным, равно как и не отнимет бессмертие у тех, кому оно уготовано Аполлоном.

(Гофмейстеру, 1801)